

Annotation

Завершение приключений дерзкой и неунывающей Клео в волшебном мире Эёрана и не только.

Если связываешься с правителем страны – ввязываешься в политику и интриги.

Даже если не знаешь, что ты связана с правителем страны.
Заключительная часть дилогии.

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40

Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62

Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Эпилог

Глава 1

Волшебный мир чудесен, многообразен, таит в себе множество удивительных вещей – это если судить по лекции о Эёрано-Наракской системе миров.

А меня всё мучает вопрос: почему, ну почему маги, способные свернуть горы и творить невероятные вещи, не могут сделать пятидневную рабочую неделю с двумя выходными?

Я даже на пятидневную с одним выходным согласна. Стандартные пять на два меня тоже вполне устроят.

Но у этих извергов десятидневка, а сейчас только восьмой рабочий день, и выходной только послезавтра.

Убейте меня кто-нибудь. Кажется, я перезанималась теорией магии.

– Таким образом, – продолжает молодой эльф из-за кафедры, –

разделяют миры на магические и немагические. В большинстве случаев магические миры одновременно признанные – то есть находятся с Эёраном в дипломатических отношениях...

Дверь в аудиторию распахивается.

Эльф недовольно поворачивается к ней.
И вдруг превращается в дерево.

Я моргаю. Несколько раз. Но на месте ушастого лектора стоит симпатичное такое деревце, упирается ветками в высокий потолок.

Магический мир во всей красе.

– А эльфы и правда деревянные, – гыкает рогатый Раштар и с усмешкой смотрит на единственного в нашей мини-группе местного жителя – полуэльфа Валариона в блестящей голубой чалме.

Валарион на это внимание не обращает: он с тревогой смотрит на вход в аудиторию, потому что в деревья эльфы превращаются только в случае угрозы.

Я тоже смотрю на дверь.

В проём сначала просовывается огромная беличья голова с ушами-кисточками, затем и тело трёхметровой белки. В аудитории она выпрямляется и, махнув мне свободной когтистой лапой (второй оно

прижимает пачку бумаг и чернильницу с пером) втягивает в аудиторию свой длинный пушистый хвост.

Вразвалочку, ничуть не стесняясь преподавателя (хотя что дерева стесняться?) гигантская иномирная сущность направляется к нам на первый ряд столов.

– Э-э, – Бриш – второй демон в нашей группе, отодвигается вместе со стулом подальше. – Это что за хрень?

Он впервые сталкивается с этой «белочкой».

– Давайте будем вежливыми и обойдёмся без обзывательств, – предлагает третий и самый мирный демон Фидис. – Оно ведь может обидеться.

– Да, не надо его обижать, – я с сомнением оглядываю соседний стул.

Подозреваю, этого неучтённого белко-попаданца, наконец-то решившего явить себя Академии, он не выдержит.

Хотя, может, тут стулья волшебные?

Взмахнув хвостом, громадная белка со скрипом отодвигает
стоящий позади меня стол, протискивается между мной и нашим
мирным Фидисом, основательно задев его рога и рыжие пряди
мохнатым пузом.

Укладывает хвост на заднюю парту.
И садится на стул.

Тот жалобно скрипит, но держит.

Громадная белка выкладывает перед собой чернильницу. Листы.

Аккуратно укладывает пёрышко рядом.

Складывает лапки на мохнатом пузе.
И обращает взор на дерево.

Мы все, как по команде, тоже смотрим на дерево, которое пару
минут назад было нашим лектором.

Мы – шесть рыжих, готовых внимать студента.
Дерево по-прежнему дерево.

Проходит минута.
Вторая.

– Эй, – Раштар поворачивается к Валариону. – Что это с ним?

Валарион пожимает плечами, отчего висюльки на его чалме
позвякивают:

– Может, он застрял? Молодой ещё, неопытный...

– Ему помочь? – вежливо интересуется Фидис.

– Предлагаешь пободать для ускорения превращения? – Раштар
откидывается на спинку стула. –
Какие в этом Эёране все нежные.

Громадная белка, видимо решившая послушать моего совета
присоединиться к обучению, тяжело
вздыхает.

А мы... ну, мы, как и всякие студенты, ждём.

– Кстати, – задумчиво тянет Бриш. – А если это дерево не
заговорит, можно будет через двадцать минут свалить как при неявке
преподавателя?

– В этой Академии нет такого правила, – сообщает Фидис.
Всё у этих магов не как у людей.

– Эту лекцию мог бы закончить я, – вежливо замечает Валарион. – Я всё знаю.

– Нет, – отмахивается Раштар и, как белка, складывает руки на животе, расплывается в улыбке. – Я хочу деревом полюбоваться.

Так следующие полчаса, до самого звонка, мы и наблюдаем за деревом, в которое с перепугу превратился лектор.

После звонка громадная белка тяжело вздыхает. Я ободряюще хлопаю его по мохнатому плечу:

– Не переживай, следующий лектор не может превращаться в дерево. Он тебя знает и не испугается. Так что ты побываешь на настоящем уроке.

Говорю это улыбаясь, а сердце сжимается, подрагивает, потому что...

Следующее занятие – у Санаду.

Белый самолётик проскальзывает сквозь дверь кабинета. Санаду вздрагивает и едва не роняет лист с заданиями на предстоящий опрос.

Сердце его стучит где-то в горле, пока он ловит самолётик на руку, пока бумажка раскладывается. У Санаду даже зрение расфокусируется – так ему не хочется знать содержание.

Но волевое усилие подавляет панику, Санаду сосредотачивается на буквах и выдыхает: это всего лишь послание его сенешаля Эдмунда

с просьбой увеличить наградные выплаты за информацию о Неспящих

– мол, в других кантонах так сделали, и нам надо.

Выдохнув, Санаду опускается в кресло.

Огромное облегчение настигает его только потому, что это письмо не от Мары: несмотря на возможность через неё заманить Неспящих в ловушку, встречаться с ней он не хочет. Всё в нём встрече с ней противится.

После разговора с Вааразаризом (его не перепьёшь!) Санаду всю ночь пытался составить любовное послание. Женщины же вроде не воспринимают безумно влюблённых в них мужчин опасными или слишком умными – идеальный образ для подготовки ловушки.

Утром, после того, как напоил невыспавшуюся Клео кофе, Санаду перечитал те пафосные речи и... хотя они, признаться честно, немного в его стиле, но всё же показались ему слишком уж подозрительными –

если учесть его предыдущее
практически двадцатилетнее молчание.

Так что с чашкой кофе Санаду сочинял признание в ненависти – потому что ненависть это тоже эмоция. Эмоция, которую можно использовать против её носителя и, теоретически, перевернуть в страсть. Так, по крайней мере, на взгляд Санаду, должна считать Мара. Но эти варианты показались ему ещё хуже! Он так поносил

Неспящих и так морализаторствовал, что сам бы не поверил, что это его искреннее послание. Похмелье определённо отупляет.

На третий заход Санаду пошёл более осознанно, с твёрдой решимостью сделать что-то толковое и разобраться, наконец, с этим делом, потому что написание записок Маре – не то, чем он хочет заниматься.

И вот из третьих (и немного первых) вариантов удалось создать нечто вменяемое.

«Я понимаю твою жизнь с Неспящими, пока меня не было. Но то, что ты отказалась даже попытаться вернуться к нормальной жизни после моего возвращения – это я воспринимаю как предательство. Меня. И нас. Не пиши мне больше».

Все боги Эёрана и Нарака заодно – как тошно Санаду от этого письма.

Может, потому, что оно, после стольких мучений и выдавливаний из себя подходящих слов, отражает его действительные чувства и настроения.

И отвращают эти строки потому, что Санаду не хочет понимать и принимать то, что Мара не вернулась в кантоны, хотя бы под защиту Танарэса, под защиту Изрель, а осталась с чудовищами. Стала одной из них. Но при этом он понимает. Действительно её понимает, потому что был в похожей ситуации, убивал ради собственного выживания, и эти выведенные его же рукой слова заставляют вспомнить это и признать.

Поэтому отправить письмо было крайне сложно.

И ещё тяжелее ждать ответа – а он будет, несмотря на прямой запрет.

Санаду половину этой ночи не спал, ворочаясь и думая, что надо было как-то иначе выразиться, но так и не придумал, как именно было бы лучше.

Вытаскивая лист магкаллиграфической бумаги для ответа сенешалю, Санаду мрачно достаёт из ящика запасённые конфеты. Забрасывает в рот сразу две. Медленно жуёт.

Это всё влияние Ники, пару капель крови которой он сцедил вчера и сегодня на рассвете, принял как неприятное, но нужное лекарство.

С этой кровью ему передаётся... да вот любовь к сладкому передаётся. Зверский аппетит. И Санаду очень надеется, что хотя бы к Валариону он никакими страстями не восплает.

В теории-то не должен, влияние крови в данном случае не настолько сильно, но даже симпатии к этому почти ушастому ему не надо: ему его ещё воспитывать и воспитывать, прежде чем в его эльфийские лапки можно будет вручить свою подопечную.

Написав разрешение поднять награду за информацию о Неспящих и отправив его сенешалю, Санаду заклинанием поспешно копирует проверочные вопросы на чистые листы, складывает их в папку.

Собирается идти на лекцию, но... откладывает папку и проходит в свою комнату.

В гардеробную.

Оглядывает себя в занимающем часть стены зеркале. Крутится в одну сторону, другую. Задирает подбородок. Поправляет шёлковый

галстук, заколотую в него булавку (заодно вспоминает, что обычно эти безделушки не использует).

Снова себя оглядывает: неплохо, очень неплохо.

Но, вздохнув, Санаду принимается расстёгивать сюртук, чтобы сменить одежду на более... эффектную.

Потому что ему предстоит лекция по менталистике, там будет Клео, а Санаду хочет выглядеть для неё идеально.

Глава 2

– Что, отличный урок получился, – потягивается Раштар. – Дома непременно расскажу, какие интересные лекции тут в Эёране устраивают деревья.

– Со всяким может случиться, – примирительно замечает Валарион.

– Я в дерево не превращаюсь, – фыркает Раштар, и я с ним в кои веки солидарна.

Видя наше дружное недоумение, Валарион чуть выпячивает нижнюю губу:

– Превращение в дерево хотя бы не разрушительно!
Раштар резко поднимается и поворачивается к нему:

– Имеешь что-то против нашей боевой формы?

Валарион поднимает на него свои ясные очи и вежливо интересуется:

– Имеешь что-то против эльфийской защитной формы?
Фидис втискивается между ними:

– Все формы хороши.

– Ребята, давайте жить дружно, – добавляю я, и Фидис лучезарно мне улыбается.

– Просто эльфы – трусы, – свысока заявляет Раштар.

– Эльфы благоразумны, – теперь Валарион и подбородок выпячивает. – И не бросаемся на всех подряд. Это признак мудрости.

«Ушастые воришки», – припоминаю я характеристику эльфов от Санаду.

– Короче – трусы, – подытоживает Раштар.

У Валариона раздуваются ноздри, он поднимается, и я тоже резко поднимаюсь, почти роняя стул, громко уточняю:

– А вы на лекцию свою не опоздаете?

Я не против мальчишеских сражений (особенно если с последующим стриптизом на радость женской части Академии), но у Валариона рогов нет, жаль будет, если его сильно забодают.

Он по-эльфийски мудро не бросается на обидчиков, а только выше задирает нос:

– Вырастешь – поймёшь. Но если сомневаешься – добро пожаловать в эльфийский лес, можешь там повторить эти слова...

– Перемена скоро закончится! – громко напоминаю я.

Раштар, недовольно цокнув, награждает меня убийственным взглядом. Я улыбаюсь в ответ: мне не жалко, а от улыбки станет всем светлей и, вроде, ещё на небе радуга зажжётся.

Что удивительно, Бриш тоже смотрит на меня мрачно, хотя он эту перепалку не начинал. Рога чешутся?

Но, судя по следующему вопросу, не рога:

– А со мной на свидание ты пойдёшь? Или тоже пригласишь
посидеть в странном заведении?

– «Вкусная закуска» не странная, – возражаю я. – Это вообще моё
любимое место, ценить надо, что я о
нём рассказывала.

– Так что по поводу свидания? – Бриш смотрит на меня с
подозрением.

Вообще, по выражению лица кажется, что он прямо ждёт отказа.

– Если она не пошла со мной, – надменно выдаёт Раштар, – то с
тобой и подавно не пойдёт!

– Я подумаю, – своим ответом я останавливаю наводящих друг на
друга рога демонов.

Потому что они с удивлением разворачиваются ко мне.

Фидис бросает на меня странный взгляд и выдавливает грустную
улыбку.

– Берите пример с него, – безжалостно указываю на Фидиса. – Вот
с ним я бы пошла!

Раштар и Бриш переглядываются так дружно и заговорщически-
многозначительно, словно только что
не собирались драться.

– С ним? – кривится Раштар.

– Этим подхалимом и трусом? – уточняет Бриш.

Удивлённо смотрит на меня Фидис, а я ему улыбаюсь и перевожу
взгляд на драчунов.

– С этим умным! Сдержанным! Эффектным демоном – пошла бы,

– поясняю многозначительно и, наконец, направляюсь к выходу.

– Умным? – переспрашивает Бриш.

– Эффектным? – чуть не рычит Раштар.

– Ребята, давайте жить дружно, – почти ласково предлагает
Фидис.

И мне его почти жалко, но... пусть эти демонюки рогатые обратят
внимание на его правильный пример поведения. Может, даже с
Фидисом куда-нибудь схожу, чтобы подтвердить его

привлекательность.

Если он осмелится: Фидис кажется благоразумным и может не захотеть из-за меня ссориться с сородичами.

А Валарион-то незаметно переместился к дереву, теперь стоит под его ветками и смотрит на них задумчиво.

Топающая за мной белка оглядывается на дерево и, плотнее прижав к груди письменные принадлежности, тяжело вздыхает.

– А он хотел лекцию вашу послушать! – пеняю дереву (до чего дожила!). – Такой хорошенький, пушистый, любознательный, а вы к нему вот так... даже пискнуть не позволили – сразу в дерево.

Трагично вздохнув, разворачиваясь хлопнуть белку по плечу, бросаю на неподвижное дерево ещё один укоризненный взгляд и покидаю аудиторию.

Белка топает за мной.

Судя по отсутствию грохота и магических всполохов, мои похвалы Фидиса до драки демонов не довели. Ну и хорошо, значит, есть шанс их перевоспитать.

Направляясь на лекцию по менталистике, я невольно думаю о демонах. Эти рыжие парни... такое ощущение, что сюда не цвет молодёжи для дипломатических отношений послали, а подопытных кроликов, которых не жалко. Мол, если этих драконы не сожрут, можно кого получше засылать.

И ещё момент: Валарион говорил, что обретение магии и боевых форм сделало демонов с непривычки очень вспыльчивыми. Что они такие буйные из-за пробудившейся в них силы, поэтому иногда, подобно молодым оборотням, практически теряют контроль над собой. И если один превращается, это провоцирует находящихся рядом на превращение и агрессию.

Так вот: Фидис на Раштара и Бриша по поведению ни разу не похож. Он не теряет над собой контроль. Не превращался. Наоборот: пока приятели дерутся, действует чётко и осмотрительно, словно его их буйства не задевают.

Конечно, Фидис может быть просто очень флегматичным парнем и чуток тормозить, но, учитывая обстоятельства (это ведь посланцы Нарака в Эёран, с которым они воевали тысячелетия), не логично ли предположить, что Фидис – не просто подросток на обучении по обмену, а шпион...

Хотя шпион выделяться не должен... наверное.

Или Фидис не шпион, просто присматривает за буйными парнями? Или разведывает обстановку без серьёзных заданий на внедрение, поэтому не сильно маскируется?

Женские взвизги вырывают меня из задумчивости. Сразу приходит осознание, что я как-то незаметно дошла до нужной аудитории.

И даже вошла.

Вместе с огромной белкой.

Именно появление моего иномирного спутника и вызвало бурную реакцию некоторых менталисток.

– Опять какие-то чудовища! – выдавливает Яслена и закрывает лицо руками. – За что?

– Это твоя белка так вымахала? – уточняет Бэксил подрагивающим голосом.

– Нет, это... – широким жестом указываю на огромную белку. – Это наш новый одnogруппник. Как и я, он прибыл сюда из другого мира во время внепланового схождения миров. Любит орехи. Кофе... – про выпивку и привычку храпеть решаю умолчать. – На нашем языке не разговаривает, но, похоже, речь понимает. Можете называть его... Марк Антоний.

Раз уж Санаду так хочется белку с таким именем.

Иномирная сущность поднимает лапу и, оскалив зубы в улыбке, приветственно всем машет.

Но менталисты на бедного иномирца смотрят хмуро, настороженно. Наверное, из-за того, что на нём тоже нечто вроде абсолютного щита, не позволяющего ощутить намерения. А без ощущения добрых намерений клыкастый оскал выглядит несколько двусмысленно. Всё же мимика белки не пригодна для стандартных человеческих улыбок.

– Идём, – я подхватываю белку под мохнатую лапу и тяну к более привычным мне местам на галёрке.

Аудитория наполняется скрежетом сдвигаемых стульев и шелестом бумаг: это менталисты друженько покидают места на траектории нашего с белкой движения. Что поделать: тонкая душевная организация у них, меня сразу предупреждали. Даже удивительно, как я оказалась среди этих трепетных девушек и юношей.

Мы с новопоименнованным Антонием устраиваемся на самом заднем ряду. Стул под громадной белкой традиционно поскрипывает. Белка аккуратно раскладывает письменные

принадлежности.

– А ты писать умеешь? – интересуюсь я, хотя правильнее спросить: как ты собираешься такими когтями держать перо?

Антоний неопределённо дёргает головой.

– Если что, я конспектами поделиться могу, – предлагаю бодро.

Менталисты, согнанные нашим движением, перемещаются на передний ряд, поближе к выходу, и устраиваются там. Нервные ребята. Даже Ника, заходящая в аудиторию с кульком пирожков, при виде

Антония сбивается с шага и шумно сглатывает. А потом как-то странно вздыхает и с видом обречённого садится на стол посередине аудитории.

Перемена продолжается.

Мы и сидим в молчании. Я всё думаю о... Санаду и его печальной истории любви: вот уж ему не повезло так не повезло. Антоний, вздохнув, пытается запихнуть хвост под стол и скрипит несчастным стулом. Менталисты настороженно наблюдают за нами. Ника жуёт пирожки.

Идиллия...

Перезвон, оповещающий о начале лекции, отрывает меня от мысленного повторения злосчастной записки, которую я так безусловно удачно увидела прежде, чем успела всерьёз задуматься о Санаду, как о мужчине.

– Странно: лекция началась, а Санаду нет, – нарушает ход моих мыслей Бэксил.

А Яслена почему-то недовольно смотрит на меня, словно это я виновата в опоздании Санаду, хотя я ни сном, ни духом, и вообще только что с другой лекции.

Антоний вздыхает.
Время идёт.

Может, Санаду получил ответ Мары, и теперь ему не до нас?

Додумать эту мысль не успеваю: с громким хлопком возле кафедры поднимается столб серой дымки. Она развеивается, являя нам...

Санаду.

Правда, в первый момент я его даже не узнаю: чёрные волосы приглажены, подчёркивающий стройную фигуру костюм непривычного благородно синего цвета. Между полами расстёгнутого

пиджака (именно пиджака, а не камзола) серебряным растительным узором поблескивает парчовый жилет. Подобный узор вьётся по острым уголкам воротника рубашки. В пышном шёлковом платке-галстуке сверкает гранями булавка с крупным синим камнем, такие же камни посверкивают в выглядывающих из-под рукавов запонках, будто вплетённых в серебряные узоры на манжетах. И даже на руке, сжимающей папку, сейчас темнеет крупным камнем печатка.

Выглядит Санаду обалденно. Аж до перебоя в сердце. До невозможности оторвать от него взгляд... Сексуально.

«Он что, на свидание собрался?» – мелькает шальная мысль.

Понравилась глава?

Глава 3

Санаду мгновенно находит взглядом меня и улыбается. Менталисты дружно поворачиваются в мою сторону.

– О, у нас новый студент! – лишь после этих слов Санаду переводит взгляд на сидящего рядом Антония. – Рад видеть вас на моём занятии. Надеюсь, наша тёплая компания растопит лёд вашего непонимания. Только чур чаем сокурсников не поить. И не сокурсников тоже не надо.

У меня нервно дёргаются губы, приходится их закусить, чтобы не рассмеяться: чаёк был знатным! Я многозначительно переглядываюсь с прячущей пирожки Никой. Антоний же понуро опускает ушки с кисточками и громко, с каким-то трагичным подвывом, кивает.

– Отлично, – тоже кивает Санаду. – Я рад, что мы договорились. И нет, – он поворачивается к скучковавшейся в одной зоне группе менталистов. – Я не собираюсь рассказывать подробности о чае, это не шутка, и я категорически против того, чтобы вы его употребляли. Если застану за этим занятием – пожалеете.

Антоний вновь протяжно вздыхает. Он что, планировал менталистов угостить? Или сам этот чай попивает, а запрет Санаду на свой счёт принял?

Санаду смотрит на иномирную сущность так, словно тоже задаётся этим вопросом, но с коммуникацией проблемы, так что наше любопытство остаётся неудовлетворённым.

– Клеопатра и рыжий, не отрывайтесь от коллектива, спускайтесь сюда,
– Санаду указывает на первые ряды.

И снова на меня он смотрит куда больше, чем на непредсказуемую и непонятную иномирную сущность. Догадывается, что я видела его письма? Вроде слишком радостный он для этого. Вообще выглядит слишком довольным на фоне того, что я прочитала в черновиках его

писем. Или Мара ему ответила, вот и радуется?

И нужно ли писать об этих наблюдениях Танарэсу?

Под Антонием взвизгивает отодвигаемый стул, я тоже поднимаюсь и послушно спускаюсь к первому ряду. К счастью, хотя

бы менталисты уделяют больше внимания Антонию. Хотя, нет, Яслена смотрит на меня. И на Санаду. Переводит взгляд между нами поспешно и мрачно.

– А остальные, – Санаду небрежно взмахивает рукой, и запонка в его манжете ярко вспыхивает, – рассаживаются в шахматном порядке.

Тяжкий вздох менталистов звучит так знакомо, так в очередной раз показывает: студенты всех миров похожи.

– Хвостатых это тоже касается, – Санаду указывает на Антония.

Антоний лапкой касается своей груди и делает вопросительно-несчастную морду.

– Да-да, тебя это тоже касается, – повторяет Санаду. – Будешь у меня контрольную писать.

– Пи-и? – выдаёт Антоний жалобно.

– Ну, не совсем, – качает головой Санаду. – Или, вернее, не для тебя.

С шелестом письменных принадлежностей и одежды, скрежетом стульев по полу и шумными вздохами менталисты расползаются в указанном порядке, а Санаду подходит к месту, где я устраиваюсь, и, прислонившись бедром к столу, смотрит на меня сверху вниз.

И что смотрит? Я вопросительно поднимаю бровь. Санаду едва слышно хмыкает и тоже задирает бровь.

С сопением и скрежетом Антоний усаживается за стол позади меня.

– Сегодня у нас контрольный опрос, – доверительным тоном сообщает мне Санаду. – Он рассчитан на тех, кто обучался с начала года, поэтому ваше прохождение теста не будет оцениваться. Он позволит мне понять, что вы успели усвоить самостоятельно, какие представления имеете об этом направлении магии и применении способностей. Так что можете расслабиться.

– Да я и так не нервничаю, меня же всё равно выгнать не могут, пока диплом не получу.

– Или замуж не выйдете, – с полуулыбкой добавляет Санаду.

С громким «БАМ!» падает на пол сумка Яслены.

Санаду оглядывается.

– Извините, – бормочет она. Её бледное лицо заливают румянец. – Извините, я не специально.

С моего места видно, как Санаду изгибает бровь с очень скептическим выражением лица.

Что, Яслену так шокирует предположение, что я могу замуж выйти раньше, чем получить диплом? Ну, всё будет зависеть от качества обучения.

Подхватив сумку, Яслена поднимается на средние ряды аудитории и оглядывается на Санаду в тот момент, когда он снова поворачивается ко мне.

– Поспешите, – советует Санаду, – чем дольше вы рассаживаетесь, тем меньше времени у вас на контрольный опрос.

Не только студенты, но и преподаватели во всех мирах одинаковые... Хотя, нет. Вот смотрю я на Санаду, поблескивающего вышивкой на манжетах и воротнике рубашки, крупным камнем в булавке галстука, своими тёмными пронзительными очами, и вынуждена признать: чего-чего, а таких обалденных преподавателей мне в земной жизни не встречалось.

Перехватив папку другой рукой, Санаду достаёт из неё листок с надписями и выкладывает передо мной. Замирает, касаясь стола длинными пальцами. Тускло вспыхивает вырезанный в тёмном камне силуэт дерева в окружении ленты с какими-то выпуклостями... О, похоже, это печатка, и в ленте вырезаны буквы. Обычными средствами такую тонкую работу в камне вряд ли удастся повторить, наверняка это магическое произведение искусства.

– В верхнем левом углу надо указать имя, – Санаду как-то чувственно проводит пальцем по тёмной тонкой линии, обозначающей место для подписи. – Если не знаете ответ, можете написать свои предположения по заданному вопросу.

Санаду говорит очень мягко, бархатно. Смотрит прямо на меня – до мурашек. Блин, да таким голосом и взглядом совращать надо, а не о контрольной работе рассказывать.

– Понятно? – уголки губ Санаду едва уловимо вздрагивают.

– Да, – подтверждаю я. Сглатываю, чтобы чуть опомниться и выкинуть всякое лишнее из головы. – А вы всё так подробно и Марку Антонию объясните?

– Марку Антонию? – переспрашивает Санаду, переводя посерьёзневший взгляд на огромную белку.

Судя по звуку, Антоний ещё возится с устройством хвоста под столом.

Санаду снова заглядывает мне в лицо:

– Вы его так называли?

– Вы, – улыбаюсь в ответ. – Вы так хотели белку Марка Антония, вот он и появился.

– Я хотел что-то поминиатюрнее, – хмыкает Санаду. – Но и такой вариант устроит.

Проходя к следующему столу, Санаду касается моего плеча.

– Помните, – он смотрит сверху вниз, мягко улыбается, – эта проверка для вас не на оценку.

– А если я справлюсь на хорошую оценку? – уточняю я.

– Значит, поставлю хорошую оценку, – усмехается Санаду.

Дальше он останавливается рядом с Антонием, выкладывает перед ним листок и спокойно просит:

– Только наугад не тыкай. Если поймёшь о чём речь – пиши. Нет – ставь прочерк.

Перешагнув кончик пушистого хвоста, Санаду спускается вниз, встаёт перед кафедрой и вытягивает из папки очередной листок.

– Бэксил.

Бэксил сжимает кулаки, хмурится – и лист выскакивает из пальцев Санаду, устремляется к ней. Бэксил ловит его руками и кладёт перед собой.

Санаду достаёт следующий лист:

– Райан.

Мгновение спустя бумажка улетает вихрастому пареньку на первом ряду.

– Яслена.

Её лист отправляется к ней рывками и в какой-то миг едва не касается пола. Яслена аж зеленеет от натуги. Получив контрольную, она поджимает дрожащие губы.

Но Санаду на это внимание не обращает, выставляет следующий лист:

– Никалаэда. Только жирными пальцами не залапай, пожалуйста.

Да-да, я знаю о твоих пирожках.

Похоже, это тестирование не только на знание теории, но и на владение телекинезом. Теперь понятно, почему Санаду ко мне и

Антонию лично подошёл: мы просто не могли притянуть листы с заданием.

Поняв это, я сосредотачиваюсь на задании, отстраняюсь от произносимых имён и шелеста бумаг.

Первый же вопрос заставляет вспомнить, что первый учебник по менталистике – этика:

«Имеет ли менталист право считывать воспоминания окружающих его существ, не позаботившихся о своей ментальной защите?»

Нет, нет и ещё раз нет. Этическая составляющая вообще самая простая в обучении менталистике: ничего нельзя, а даже если можно – то лучше не делать. Утрирую, конечно, но недалеко от истины.

И первые десять вопросов посвящены этой этической составляющей. Закончив с ними, поднимаю взгляд: Санаду стоит, прислонившись к кафедре, и смотрит на меня, весь такой потрясающе эффектный.

Кошусь по сторонам: парни пишут. Бэксил бросает на Санаду взгляд украдкой и, вздохнув, продолжает писать. И не одна она такая, хотя вздыхают не все. Осторожно оглядываюсь: Яслена смотрит на Санаду задумчиво-мечтательно и покусывает кончик пера. Можно бы подумать, что она об ответе на вопросы размышляет, но лицо слишком мечтательное, да и румянец на щеках наводит на определённые мысли. Эх, зря она: занят Санаду.

И я, подперев пальцами висок, принимаюсь за следующую порцию вопросов – о влиянии эмоционального фона на работу менталиста. Тут тоже просто: чем спокойнее менталист, тем он эффективнее. Это, мне кажется, универсально.

Закончив с этими вопросами, переворачиваю страницу. Взгляд случайно поднимается на Санаду. Он так и стоит перед кафедрой, смотрит на меня. Задумчиво так. И немного одухотворённо. Мне кажется, он так на Антонию должен смотреть – всё же он у нас загадочная, требующая изучения иномирная сущность.

Но Санаду виднее, чем на своих лекциях заниматься, так что я приступаю к следующей части вопросов.

И здесь уже не теория, а внезапно почти математические, хоть и довольно условные, расчёты о приложении сил в зависимости от известных свойств своего источника и расы объекта воздействия. Оказывается, в расчёте учитываются показатели анализирующей сферы, и у каждого вида свой выравнивающий коэффициент, приводящий эти показатели к общему знаменателю.

– Какие-то вопросы, Клеопатра? – интересуется Санаду и проводит пальцами по волосам, придавая им чуть более небрежный вид.

– Нет, – мотаю головой. – Просто незнакомая тема.

– Ничего, наверстаете, – Санаду одёргивает свои красивые манжеты. – Я помогу.

Краем глаза вижу, как несколько сидящих на первом ряду студентов на меня косятся. Что, и эту вполне нормальную для преподавателя фразу истолкуют как-то превратно? С них станется.

– Не сомневаюсь, – киваю я и возвращаюсь к проверочной.

Но дальше такой же тёмный лес по теоретической возможности лично мне воздействовать на тех или иных существ при различных обстоятельствах. Шутки ради пишу, что с неснимаемым абсолютным щитом возможность нулевая.

Позади меня, там, где сидит Антоний, наконец, начинает скрестить по бумаге перо. И это на пару мгновений отвлекает взгляд Санаду от меня.

Но всего на пару мгновений.

Глава 4

Пока я вписываю свои скромные познания на листочек с вопросами, остальные менталисты шпарят развёрнутые ответы на нескольких чистых листах, и даже когда звонок оповещает о завершении занятия, некоторые пытаются что-то дописать. Но тут уж Санаду показывает мастерство в телекинезе: листы даже из-под перьев выскальзывают резво и устремляются к нему довольно упорядоченными пачками. Красиво закружившись, складываются на его вытянутую ладонь в стопку.

Выглядит здорово!

Искоса Санаду взглядывает на меня, словно проверяет

произведённый эффект.

Я же оглядываюсь: Антоний сидит с обиженным видом, и перо подрагивает в его когтях. Но не от нервов, а от того, что такими когтищами перо держать очень сложно.

Интересно, что он понаписал и на каком языке? Оглядываюсь на Санаду: он подставляет вторую ладонь и заставляет листы по эффектной дуге перелететь на неё, словно фокусник колоду карт. Лишь один – заляпанный чернилами – листок выбивается из общей череды и висит перед Санаду.

Но рассмотреть его не успеваю, так как листок улетает на поверхность кафедры, а Санаду, направляясь к ней, закрывает его от меня.

Оглядываюсь на Антония: он старательно пытается удобно взять перо когтями.

– Что ты там написал? – шепчу я.

Судя по тому, что студенты не спешат разбежаться на перемену, а смотрят на нас, им тоже интересно, что в контрольной по менталистике могла написать огромная белка.

– Пи-и! – вздыхает Антоний.

– Подойдите и посмотрите, – предлагает Санаду. Теперь все смотрят на него.

Что удивительно – недоверчиво, словно в этом предложении может крыться подвох. Усмехнувшись, Санаду откидывается на спинку стула.

Ну а я поднимаюсь со своего места и направляюсь к нему.

Санаду смотрит на меня, уголок его губ подрагивает в намёке на улыбку.

– Пи-и, – снова вздыхает Антоний.

– Не переживай, – на этот раз Санаду улыбается более очевидно и смотрит на него. – У тебя замечательная работа, твоим... новым друзьям не вредно на неё посмотреть.

После этого заявления ещё кто-то встаёт, и ещё, ещё. Но, судя по цокоту каблучков, к кафедре приближается только одна девушка.

Глядя мне в глаза, Санаду разворачивает листок с контрольной Антония.

И там не только пятна чернил.

В том месте, где должно быть имя, накарябаны то ли цветы, то ли ягоды, то ли всё вместе.

Среди чёрных небрежных капель в местах для ответов
накарябаны подобия человеческих
фигурок, кустиков.

– Наскальная живопись, – негромко произношу я и упираюсь
ладонями в столешницу.

Тут же меня теснит острый локоть, и Яслена нависает над
бумажкой.

– Как интересно! – преувеличенно бодро выдаёт она и поднимает
на Санаду восторженный взгляд. – Профессор, вы можете мне
понять это? Всё же это... создание практически мой профиль, я бы так
хотела его понять, но, боюсь, без вашей помощи просто не справлюсь.
Профессор...

На её скулах медленно расползаются розовые пятна. Санаду со
вздохом подпирает щёку кулаком и смотрит на неё как-то печально.

Ну а я, перевернув листок, рассматриваю картинки на обратной
стороне: тут спиральки, треугольнички, а к фигуркам условных людей
добавляются фигурки птичек, котиков,
ящерок – ну, я так это понимаю.
Иероглифы какие-то в начальной стадии своего образования.

– Яслена, – голос Санаду тихий, но жёсткий. – А вы уверены, что
перед нами животное, а не разумное
существо?

– Ну... – смущённо тянет Яслена и склоняет голову.

Смотрит на него исподлобья. Глупая-глупая девочка, у него же на
лице сейчас написано «держи дистанцию».

Разворачиваюсь, окидываю взглядом наблюдающих за нами
менталистов (кажется, их любопытство не настолько сильно, чтобы
подойти к Санаду) и отправляюсь к Антонию, а Санаду насмешливо
продолжает:

– Я, конечно, понимаю ваше желание провести со мной побольше
времени, но, полагаю, больше времени вам надо уделить учебникам.
Ваш предыдущий доклад о разнице наведённых образов и реальных
сущностей с точки зрения менталистики, похоже, оказался
недостаточным для вашего более глубокого понимания сути
ментального проявления разума. Посему предлагаю вам написать
следующий: различия между условно разумными и разумными
сущностями. Страниц так на пятьдесят. Убористым почерком.

– А если я ошибусь, вы лично разберёте со мной ошибки?

Я чуть было не оборачиваюсь, но одёргиваю себя: что-то я тоже стала во всём видеть всякие двусмысленности. Может, Яслене интересна тема?

– Если ошибки будут, – холодно отзывается Санаду, – мы разберём их на лекции.

– Я бы не хотела отвлекать остальных студентов от занятий...

– Тогда напишите доклад без ошибок. Порадуйте меня, пожалуйста. Вы же хотите произвести на меня хорошее впечатление? Всё в ваших руках.

Пока они всё это обсуждают, я дохожу до Антония.

– У тебя хорошо получилось, – похлопываю его по плечу. – В моём мире такое бы за миллионы на выставках предлагали. То есть за очень дорого продавали.

Моргнув, Антоний прижимает лапки к груди и скалит зубы.

Кажется, это улыбка.

Моё присутствие на дальнейших занятиях можно объяснить только желанием Санаду продемонстрировать мне быт менталистов, потому что обучение у них в основном практическое, а мне с

абсолютным щитом делать почти нечего. И сосредоточиться на телекинетическом воздействии на пёрышко, которое выложил передо мной Санаду, в толпе не получается.

Чего не скажешь об Антонии: у него не только пёрышко, но и стул летает.

Но всему приходит конец, завершаются и эти занятия.

– Клеопатра, Марк Антоний, – Санаду усмехается. – Оставайтесь.

Я замираю на полпути к выходу, Антоний тоже и даже уши прижимает. Остальные студенты, сначала замедлившись, под взглядом Санаду развивают рекордные скорости.

Вот были они, а через две секунды в аудитории остаются трое.

Санаду поправляет свой шёлковый галстук, булавку в нём.

– Вы что-то хотели? – я подавляю желание как-то одёрнуть платье или волосы.

Аврелий почему-то прячется за моей спиной. Но при этом хвостом охватывает мои ноги.

– Да, – Санаду запихивает пачку листов в свою папку. – Хотел покормить вас ужином.

– Обоих? – уточняю я, а хвост плотнее окутывает мои ноги.

– Да, – мягко улыбается мне Санаду. – Подозреваю, у вас нет мешка орехов...

Антоний резко выглядывает из-за моей спины.

– ...чтобы порадовать кое-кого, – теперь мягкая улыбка отражается и в глазах Санаду. – Да и в целом разве вы против ужина со мной?

– Эм, – от такого вопроса я даже подвисяю. – А у меня есть причины противиться?

– Определённо нет, – Санаду подходит ко мне и предлагает свой локоть.

Я смотрю на его согнутую руку.

– Держитесь, – поясняет Санаду. – Иначе я не смогу вас телепортировать.

– А Антоний?

– Он держится за вас хвостом, этого достаточно.

Я приподнимаю руку, но в нерешительности медлю и не касаюсь ткани такого благородно синего цвета. Почему-то мучительно терзает вопрос: Санаду сейчас снова тёплый или нет?

– Что-то не так? – с долей беспокойства спрашивает он, и я дёргаю голову – заглянуть ему в лицо, но останавливаюсь, чтобы не попасть под чары тёмных омутов.

В самом деле, что это со мной? Не страх же: я уверена, у Санаду нет причин мне вредить, так что... Я решительно подхватываю его под локоть и сквозь ткань ощущаю тепло сильной руки.

Антоний порывисто налетает на нас, сгребая своими лапками в объятия, притискивая к своей мохнатой груди.

Нас окутывает серая дымка.

Хлоп! И вот мы уже в столовой особняка Санаду.

На столе накрыто на троих. Цветные магические сферы парят под потолком. Гирлянды шариков тёплого огненного света разложены в

стеклянных бокалах и полусферах на столе. Они чем-то напоминают свечи.

Рядом со столом не просто мешок – там орехи насыпаны в огромный ящик. В некоторых игровых комнатах именно столько выделяется на сухие бассейны. Вот и это похоже на сухой бассейн, причём орехи там всякие: и размера грецкого, и с кокос, и мелочовка.

– Ы-ы... – Антоний разжимает лапы и, растолкав нас, подпрыгивает.

Большое рыжее тело с треском и грохотом опускается на «бассейн» с орехами, и Антоний, радостно пища, зарывается в них.

– Одного гостя я порадовал, – Санаду улыбается едва заметно, с какой-то хитринкой, и снова подставляет мне локоть. – Надеюсь, и гостье угожу.

– Зачем? – от удивления даже моргаю.

А Санаду задирает бровь:

– Может, вы мне нравитесь, порадовать хочу.

– А, ну, если может нравлюсь, то да, – хмыкаю я, – это хорошее объяснение.

Правда, немного непонятное в свете писем Маре, но, может, Санаду себя виноватым чувствует за изначальный неласковый приём, вот и компенсирует.

Санаду повторяет трюк со второй бровью, но я поворачиваюсь к торчащему из орехов огромному рыжему хвосту и улыбаюсь этому умиротворяющему зрелищу.

Папка с контрольными, повинувшись небрежному жесту Санаду, уплывает на софу в углу, а сам он галантно подводит меня к одному из стульев и помогает сесть.

Когда Санаду устраивается напротив, двери в столовую распахиваются, и трое слуг в тёмно-зелёных со светло-зелёным растительным орнаментом ливреях вносят накрытые серебряными колпаками блюда.

Кажется, кто-то собирается меня покормить.

Этой ночью Санаду не спится. Но не потому, что Мара не отвечает (хотя пора!), а из-за Клео.

Он лежит на своей постели, подсунув ладони под затылок, смотрит в потолок, освещённый

отсветами фонарей.

Вспоминает.

Думает.

В аудитории ему показалось, что его вид Клео впечатлил.

Ну, менталисток в подавляющем большинстве точно впечатлил, они оценили и его преображение, и редкую для него демонстрацию атрибутов власти – перстень правителя кантона.

Большая часть группы, включая парней, правильно оценили причину и цель его преображения.

Только сама цель...

И ужин: да, они мило болтали и смеялись, да, громадная белка добавляла пикантности происходящему и вносила толику юмора вознѣй с орехами. Но знаки внимания... Санаду и хочет думать, что Клео их просто не заметила, но больше похоже на то, что она игнорирует его попытки заигрывать.

И что делать в таком случае? Как обратить на себя её внимание, но не как на преподавателя или забавного собеседника, а как на мужчину?

Раздевание-то не помогло!

Ответ на этот вопрос не нащупывается, Санаду хмурится теням на потолке, раздражается собственной беспомощности. Ну и отсутствием известий от Мары заодно: ему хочется закончить это дело – передать

ей дезинформацию и захлопнуть ловушку для Неспящих, потому что эти твари, похоже, решили повторить подвиг остальных архивампиров и пробудить бога кровавыми жертвами.

Санаду отбрасывает эту мысль – думать о Клео, пусть и упорно игнорирующей его ухаживания, намного приятнее.

Он, помедлив, засовывает руку под подушку и вытаскивает продолговатую коробочку.

Раскрывает бархатный тугой футляр.

В призрачном свете фонарей тѣмной синевой вспыхивают камни в драгоценном браслете в виде древесных листочков. Его прислали, когда Клео ушла спать, и теперь Санаду рассматривает блестящий на бархатной подложке подарок.

Стоит ли дарить его Клео так просто, без повода, или придумать пустяковый? Понравится ли ей? Не воспримет ли она этот браслет как попытку её подкупить с не самыми благородными намерениями? А

если сказать, что это комплект к её платью секретаря, то подарок не
будет выглядеть подарком...

Честно говоря, Санаду хочется постучаться головой по чему-
нибудь твёрдому, вдруг от этого мысли
дельные появятся?

Нарушение границы территории резко выдирает Санаду из
невнятных размышлений. Подскочив, он обращается к кристаллу
Академии, но тот не идентифицирует посетителя, что значит
отсутствие у того академического браслета, а в спальне уже раздаётся
едва слышный мелодичный перезвон – предупреждает о стуке в дверь.
На ходу накидывая халат, Санаду снова обращается к кристаллу –

выяснить, не появились ли в Академии посетители.

Имя гостя заставляет его сбиться с шага. Не то что бы Санаду
против встретиться с ним ночью, просто гость не из тех, кто станет
приходить в такое время без веских
причин.

Грохот. Распахиваю глаза: темно.
Пробуждение резкое, порывистое.

– Марк Аврелий, – зову сипло. – Опять ты?

С ним бывает: то ключи уронит, то книгу несвоевременным
забегом смахнёт с края стола. Или шарит на полках в поисках еды,

хотя в запасниках полно. Не слишком часто, но бывает.

И на зов он обычно прибегает, и...

Я не дома. Вдруг вспоминается, что это не квартира родителей,
где его можно дозваться, и не
комната общежития.

Это огромный особняк Санаду.
Дом в другом мире.

Сажусь на постели и вглядываюсь в темноту.

– Марк Аврелий! – зову громче: вдруг он что-нибудь на себя
уронил?

Тихо...
БАМ!

Снова что-то падает внизу, да так шумно, что впору на Антония
подумать.

– Марк Аврелий, ко мне! – командую я.
Жду.

Но в комнате царит едва ли не мёртвая тишина.

Значит, Марк Аврелий где-то в особняке. И, возможно, в том месте, где что-то шумно грохнулось.

Миг – и я уже мчусь к двери, натягивая на себя сташенный с кресла халат.

– Марк Аврелий! – зову в коридоре.
Но мой бельчонок не отзывается.

Зато внизу – там, откуда донёлся грохот – слышны голоса.

Марк Аврелий может где-то крепко спать, но единственный способ узнать, случилось с ним что-то в эпицентре грохота или нет – спуститься и проверить.

Так босиком я проношусь по застеленному ковром коридору, сворачиваю на малую лестницу – мне кажется, по ней быстрее доберусь до говорящих.

Похоже, неторопливый с паузами разговор идёт столовой.

Что, опять попойка? И Марка Аврелия тостами мучают, изверги!
Заранее злая, припускаю к чуть приоткрытым дверям. Льющийся из них свет озаряет тёмный коридор.

Я распахиваю створки.
И в меня летит софа.

Большая такая софа из угла столовой.

Эта мысль единственное, что успеваю осознать, прежде чем мир снова замедляется от адреналинового всплеска. И я вижу, как стремительной тенью передо мной возникает Санаду.

Один удар его руки, почти небрежный с виду – и софа разлетается на щепки, хлопья набивки и куски плотного узорного шёлка.

Фрагменты разлетаются по столовой, с цокотом и шелестом обрушиваются на паркет. Но это я отмечаю краем сознания, потому что смотрю в глаза Санаду. Чёрные, как бездонные колодцы. Очень яркие на мертвенно-бледном лице.

Не знаю, сколько длится это кажущееся бесконечным мгновение, но постепенно приходит осознание, что Санаду тоже сейчас в сорочке и халате, босой.

А ещё в столовой есть кто-то ещё. Кто-то тяжело дышащий.

С трудом оторвав взгляд от Санаду, оглядываюсь по сторонам.
Стол сломан.

И стулья переломаны об стены.

А бутылок от алкоголя в обозримом пространстве лишь одна.

Наклоняюсь вбок, чтобы посмотреть, кто сопит в углу, из которого прилетела софа.

Там, согнувшись и опираясь ладонью на стену, стоит некто громадный, из медведеоборотней. Тёмные выющиеся пряди закрывают лицо. Вроде бы это Дарион.

Санаду шагает в сторону, прикрывая его собой, что возможно лишь благодаря тому, что столовая большая, а гигант полусогнут.

– Вы что-то хотели? – мягко уточняет Санаду.

– М-Марка Аврелия не видели? – тихо спрашиваю я.

– Нет, – так же тихо отвечает Санаду. – Мы его сегодня не приглашали.

Он передёргивает плечами, сбрасывая с них светлые ошмётки набивки.

– А почему вы телекинезом софу не остановили? – едва слышно спрашиваю я. – Так бы она была целее.

– Не подумал, – натянуто улыбается Санаду и оглядывается. – Вот видишь, из-за тебя меня теперь студентка отчитывает. В навыках моих сомневается!

– Прости, – сипит в ответ медведеоборотень голосом, совершенно не похожим на сильный Дарионовский.

И всё же когда он выпрямляется и убирает с лица пряди, это оказывается Дарион.

– Хм, – Санаду переводит взгляд с него на меня и обратно. – Вижу, общество юных дев благотворно на тебя действует... А давайте вместе кутить и веселиться? Только, чур, не у меня: мне дороги мои интерьеры. Как память. Ну и в целом у Эдди каждый раз предынфарктное состояние от моих счетов за ремонты, давайте не будем делать из него первого вампира, пострадавшего от сердечного приступа.

– Санаду, – почти рычит Дарион.

– Завтра рабочий день, – я складываю руки на груди. – Вашей невыносимо долгой рабочей недели... И вы точно Марка Аврелия не видели?

– Ой, Клео, он где-нибудь спит. Может, со своим большим другом. А если тебе так надоела длинная неделя, хочешь, я тебе завтра выходной устрою? – последнее Санаду произносит тоном истинного соблазнителя.

– В любом случае или только если я сейчас с вами пойду?

– Санаду, – недовольно повторяет Дарион. – Это приличная девушка.

– Вот именно потому, что она приличная, я и предлагаю взять её с собой. Для индикатора и культурного поведения.

Дарион смотрит на него исподлобья. Готова поспорить, ему не хочется вести себя культурно. Состояние столовой об этом просто вопит.

А Санаду поворачивается ко мне и молитвенно складывает руки:

– Клео, пойдём с нами, прошу, а то он меня в бордель затаскивать будет!

Осознав смысл просьбы, я скептически заламываю бровь.

Глава 5

– У вас настолько плохие бордели, что мне надо вас спасать?

– Нормальные у нас бордели, – бурчит Дарион.

– Да-да, это я по твоему настроению и состоянию гостиной сейчас особо оценил, – отмахивается от него Санаду и жалостливо смотрит на меня: – Клео, где твоя женская... – он взмахивает рукой. – Ты что, в бордель меня отправляешь?

– Нет, даже не предлагаю, – насмешливо отзываюсь я, – но не понимаю, что в них такого ужасного, что я вас должна спасать.

– Там женщины, – округляет глаза Санаду, – развратные женщины, которые начнут хватать меня за неприличные места и склонять к... всякому.

Подобное заявление от мужчины должно звучать странно, но Санаду говорит это так, что я чуть не пополам складываюсь от смеха, а он ещё театрально ворчит:

– У вас нет сердца! Меня и в бордель! И ещё смеётесь.

Почему-то в этот момент я действительно не представляю его в

борделе, точнее, представляю – убегающим от жриц любви. И меня окончательно валит смех. Приходится даже на дверь опереться.

– И что же вас так развеселило, моя дорогая Клео?

– Представила, как вы резво уносите от развратных женщин. Дарион прыскает, и выражение его лица чуть смягчается.

– Вы ведь знаете, что я очень быстрый? – Санаду изображает обиду.

это стало бы смешно.

– Я бы убежал прежде, чем

– Мне кажется, – сквозь смех выдавливаю я. – Вы бы бегали

намеренно

медленно, чтобы было смешно и

эффектно.

У Санаду дёргаются уголки губ, он грозит мне пальцем:

– Клео, я ведь могу подумать, что вы не прочь сводить меня в бордель, чтобы полюбоваться тем, как я избегаю...

– ...хватаний за неприличные места, – смеюсь я, – и склонений ко всякому.

Санаду с деловым видом кивает.

А

я снова смеюсь, машу рукой:

– Ладно, ладно, уговорили: я сохраню вашу честь и незахвачанность за неприличные места в обмен на дополнительный выходной.

Порывисто вздыхает Дарион, а Санаду хлопает в ладоши:

– Отлично! И хотя я не против пижамной вечеринки, нам лучше переодеться.

В следующий миг я взвизгиваю от того, что он подхватывает меня на руки. Прижатая к его груди, я под бешеный грохот сердца вдыхаю аромат кофе и можжевельника, и по спине разбегаются щекотные мурашки, пробуждают внутри что-то тёплое, сладкое.

– 3-зачем?.. – сипло выдыхаю я и на миг сбиваюсь, заглянув в тёмные глаза Санаду. Облизываю пересохшие губы. – Так-то я и сама дойти могу.

– Со мной будет быстрее, – волнуяще низким голосом поясняет

Санаду

и направляется на выход

довольно неторопливо.

Моё сердце всё ещё бешено стучит: в крови бурлят остатки адреналина, усиленные тем, как Санаду внезапно схватил меня на руки.

– Быстрее будет телепортироваться, – замечаю я.

– Телепортация дело тонкое, не стоит ей злоупотреблять, – выдаёт Санаду заявление, которому частенько противоречит действием, но ладно.

Это ладно, но он ещё вместо запасной лестницы выбирает центральную, а к ней приходится идти через холл.

– Это длинный путь, а мы торопимся, – напоминаю я.

– Зато этот путь красивее, – Санаду несёт меня легко и непринуждённо.

Я даже по сторонам оглядываюсь, чтобы оценить красоты, благо здесь освещение достаточное. Но, как я уже однажды отмечала, к дворцовой роскоши я привыкла слишком быстро, так что вау-эффекта нет:
ну дом и дом.

Зато тёплые руки Санаду этот самый вау-эффект очень даже оказывают. И сам он весь такой тёплый, сильный, несокрушимый... Всё же когда мужчина легко несёт тебя на руках – это впечатляет. До тех самых мурашек. И в целом...

Смотрю на выглядывающие в прорезь сорочки ключицы и думаю, насколько они тёплые. И насколько жёсткие на ощупь должны быть

мышцы шеи.

Впрочем... Я провожу пальцем по ключице – тёплая. И по напряжённой мышце шеи пальцами, а потом и почти ладонью – до мочки уха.

– Что вы делаете? – сипло спрашивает Санаду.

Лишь теперь понимаю, что он стоит перед дверью в мою комнату.

– А вы везде тёплый? – шепчу я и усиленно смотрю на его скулу, чтобы не попасть в омут чёрных глаз.

– А вы везде температуру проверите? – мягко уточняет Санаду.

– Мне достаточно устного сообщения.

– А если я точно не знаю?
Обдумываю.

– Правда, не знаете? – переспрашиваю недоверчиво. – Вы что, раньше ни для кого так не грелись?

Едва уловимое напряжение пробегает по мышцам Санаду. Он практически сразу справляется с этой невольной физиологической

реакцией и ставит меня на пол.

Зря я напомнила о Маре. Наверняка для неё он так же становился тёплым, пока её не обратил. А может, и после этого... Меня внутренне передёргивает.

Впрочем, ни интонацией, ни видом Санаду не показывает, что я задела его за больное:

– Думаю, нам надо поторопиться, пока мой дорогой гость не начал громить ещё что-нибудь.

– Надо было предложить ему в лесу рядом с Академией подождать.

– О, боюсь, тогда Академия могла остаться без леса. – Санаду прижимает ладонь к груди и патетично заявляет: – Я не могу пойти на такую жертву.

– Тогда нам придётся поторопиться, чтобы не жертвовать вашими интерьерами, – улыбаюсь я и, толкнув дверь, отступаю в свою комнату. Санаду кивает, но с места не двигается. Впрочем, при его возможностях ускорения он и за секунду соберётся. А вот мне надо поторопиться. Только у меня сердце до сих пор стучит слишком быстро, и кожа будто ещё ощущает тепло Санаду, и пальцы, которыми

я скользила по его шее – они тоже словно помнят это прикосновение, и при мысли об этом снова разбегаются мурашки, зарождают в теле лёгкий жар.

Приложив ладонь к груди, ощущая частое биение сердца, я глубоко вдыхаю.

Так ведь и влюбиться можно.

Мотнув головой, направляюсь в небольшую гардеробную. Но даже её скромные размеры не способны смягчить впечатление очевидной (я бы даже сказала – вопиющей) нехватки у меня одежды.

Придётся на попойку, ой, то есть, на культурное ночное мероприятие, идти в образе скромной гимназистки, а не эффектной красавицы.

С этой унылой мыслью я стягиваю с плечиков синее платье.

Нервничать. Предстоящая ночь с Клео, пусть и в компании Дариона для его поддержки, заставляет Санаду нервничать.

Перебирать одежду в поисках наиболее эффектного образа.

Спешить.

И снова волноваться.

Он вообще как-то вдруг понимает, что надо было самому
пригласить Клео посидеть вместе без
свидетелей.

Где-нибудь в уютной обстановке.

Подальше от Нарнбурна и присмотра Мары.

Санаду замирает, в очередной раз изумляясь её молчанию: после
стольких лет он, наконец, ответил,
а она молчит.

Неужели всерьёз восприняла просьбу больше не писать? Так это,
насколько Санаду её знает, должно было только больше раззадорить.
Или она изменилась?

Не доверяет? Так зачем писала?

Выжидает, чтобы и он мучился, почувствовал себя на её месте?..

Сминая шёлковый галстук изумрудного цвета, Санаду
приказывает себе не думать об этом: ему надо поддержать Дариона. И
постараться произвести впечатление на
Клео.

Но когда одетый с иголки Санаду покидает свои комнаты,
впечатление на него производит именно Клео: она стоит внизу, рядом с

Дарионом. Совсем миниатюрная в сравнении с этим притихшим
медведем. Свет магических сфер очерчивает её изящную фигуру,
огнём горит в небрежно разлохмаченных рыжих кудрях.

Клео улыбается Дариону. «Всё же надо было предложить ему в
лесу рядом с Академией подождать», – простреливает Санаду жгучая
мысль. Дарион что-то говорит, и Клео чуть запрокидывает голову, её
звонкий смех разносится по холлу, отзывается чувственной вибрацией
в нервах Санаду. Его сердце сжимается. И пусть Санаду в целом далёк
от нездорового собственничества, в этот момент ему хочется, чтобы
так Клео улыбалась и смеялась только с ним.

Его словно огнём прожигает этими яркими, потрясающими
эмоциями. А в следующий миг он уже оказывается внизу и обнимает
Клео за талию, строго смотрит в лицо Дариона, этим взглядом
предупреждая: моё, не трогать.

В этот раз мы перемещаемся не во «Вкусную закуску», а в какое-то
сумрачное полуподвальное заведение в этаким средневековом стиле:

каменные стены, арочные своды, тёмное дерево массивной мебели и перегородок, громадные полыхающие каминные с крутящимися в них тушами... кажется, искусственными – исключительно для антуража. Факельное и свечное освещение (правда, со вспомогательной магической подсветкой) добавляют суровой романтики. На стенах россыпи мечей прикручены, звериные головы скалят клыки. Для сходства с земными подобными заведениями не хватает только доспехов.

Ароматы лука, специй, мяса сразу кружат голову и сжимают желудок, хотя я не любительница ночного дозора, и только что кушать совсем не хотела.

Санаду, крепче обняв меня за талию, помогает спуститься с возвышения из чёрного камня в углу и ведёт к лестнице на второй этаж. Дарион следует за нами по пятам:

– Я думал, мы во «Вкусную закуску» пойдём.

– Там нет официанток, – отмахивается Санаду и ловко обходит меня, снова обхватывает за талию, вклиниваясь между мной и заинтересованно повернувшимися в нашу сторону волкооборотнями.

Тут вообще много волкооборотней: почти у всех посетителей глаза ярко-жёлтые. И все почему-то очень внимательно смотрят на нас. Тут не принято телепортироваться?

Хотя, судя по начавшим приветственно склоняться головам и небрежным взмахам Санаду, его поспешному:

– Сидите-сидите, не обращайтесь на нас внимания.

Причина повышенного внимания в том, что его здесь знают. И даже хорошо. Может, бывшие студенты Академии драконов?

– При чём тут официантки? – ворчит Дарион.

– Ну, на тебя положительно влияет женское общество, а Клео – Клео мне нужна самому, – помогая подняться на ступени лестницы ко второму этажу, Санаду искоса смотрит на меня и игриво подмигивает.

– Ну да, куда же вы без своего секретаря, – вздыхаю я. А Дарион почему-то закашливается:

– Секретаря?

Поднявшийся на пару ступеней Санаду оглядывается:

– Ну да, решил вот секретарём обзавестись.

– На старости лет, – добавляю я, надеясь шуткой разбавить напряжение Дариона.

Санаду театрально вздыхает.

– Знаете, – Дарион запускает пальцы в волосы. – Пожалуй, пойду я отсюда.

– Подождите! – я подаюсь вперёд, практически распластываясь грудью на плече стоящего ниже Санаду. – Что-то не так? Если мы вас обидели, извините, это не специально.

Слишком уж у него вид несчастный. И вдруг Санаду передумает давать мне выходной?

И вообще, Дарион только что был вполне милым, рассказал, как он и Эзалон на спор Санаду в бордель затащили, а Санаду раскритиковал интерьер, меню, устроил девушкам собеседование с демонстрацией всех их навыков от пения до рисования, и в итоге победившая в конкурсе жрица любви с табуретки читала всем посетителям стихи. Детские.

Это ж надо было придумать! В учёт оплаченного для него посещения взять и заставить работницу борделя с табуретки декламировать детские стишки!

Вдруг Дарион ещё что-нибудь весёлое расскажет? Он-то знает Санаду, судя по всему. От рассказа о посещении борделя мне до сих пор смешно. Я обнимаю Санаду за шею и, игнорируя приятные мурашечки, старательно пытаюсь сдержать улыбку.

– Ничего, – мрачно сообщает Дарион. – Всё просто прекрасно.

Секретари – это прекрасно.

– А вы имеете что-то против? – я даже на плече Санаду покачиваюсь.

Впрочем, кажется, Санаду не против, что я на нём так бессовестно вишу.

– О, как раз он только «за», – вместо него отвечает Санаду и, дёрнув головой, поддерживает меня за талию. – Дарион, давай без ломаний, а? Да, тебе плохо, но это пройдёт. Всё когда-нибудь проходит, поверь моему богатому опыту, у меня бывали времена похуже. А ты вообще должен был понимать...

Сложив руки на груди, Дарион раздувает ноздри и дёргается развернуться, но Санаду ударяет себя по лбу и качает головой, ухом задевая мою грудь.

– Прости за морализаторство, – Санаду хлопает его по массивному запястью. – Тебе не просто плохо, тебе хреново до невозможности, сердце вырвали, и кажется, что это никогда не кончится. Давай напьемся. Это, конечно, не поможет, но как анестезия

вполне сойдёт. А Клео, если что, нас домой дотащит.

Я с превеликим сомнением оглядываю Дариона, отвечающего мне тем же.

– Господин Санаду, – изображаю негодование я. – Может, вашу почти субтильную тушку я дотяну, но вот Дариона...

– Какая-какая у меня тушка? – притворно возмущается Санаду и руку свободную сгибает в известном жесте бодибилдеров. – Да ты посмотри на мои мышцы! Какой я субтильный?

– Поэтому только почти, – назидательно поясняю я. – И вообще, всё познаётся в сравнении.

– И сравнение со мной, – басит Дарион более расслабленно, – точно не в твою пользу!

– Но я всё равно сильнее, – хмыкает Санаду.

И, видимо, чтобы доказать этот неоспоримый факт, ловко разворачивается и снова подхватывает меня на руки.

– Вот если бы вы Дариона так подняли... – тяну лукаво, не забывая обхватить Санаду за шею, снова наслаждаясь его теплом.

– Чур, не надо меня так поднимать! – машет ручищами Дарион, да так резво, что от его случайного удара хрустят перила.

На втором этаже интерьер разбавляется стрельчатыми окнами с цветными витражами.

И здесь полно аппетитных таких официанток в белых передничках и впечатляющих декольте.

Дамочки сразу впиваются взглядом в Санаду, хотя он ниже шкафоподобного Дариона и с девушкой – то есть мной – на руках.

Любезные до приторности, официантки, беззастенчиво улыбаясь Санаду и даже Дариону, отводят нас в отдельную кабинку, где вместо нарочито грубоватой мебели стоят вполне изящные диваны и кресла. Но совершенно не аутентичные!

И мне здесь уже не нравится.

Санаду очень аккуратно устраивает меня на кресле возле стола:

– Клео, вам удобно? Не дует?

– Спасибо, всё хорошо, – я указываю на кресло рядом с собой. – Присаживайтесь.

И Санаду присаживается рядом, оставив Дариону единственный расположенный у стола диванчик, скрипнувший под весом медведеоборотня.

Я кладу ладонь на предплечье Санаду и улыбаюсь:

– Закажите на свой вкус. Я вам доверяю.

В глазах Санаду появляются весёлые искорки, он прикусывает нижнюю губу в сдержанной улыбке:

– Конечно, закажу. Для вас – что угодно, – он подхватывает мою руку и целует тыльную сторону ладони. – Можете на меня положиться.

Дарион, наблюдающий за нами из-за раскрытого меню с деревянной обложкой, очень тяжело вздыхает.

Заказ он с Санаду делает сразу: кабан, перепёлки, вино креплёное и драконье, игристое для меня, морс, овощи, хлеба, сыры и соленья, фрукты со взбитыми сливками – тоже мне, и сорбет из лесных ягод.

Посиделки у мужчин во всех мирах, похоже, примерно одинаковые.

Но это застолье отличается от прошлого в «Закуси». И не только составом.

Впрочем, состав наш довольно скоро и неожиданно пополняется...

Глава 6

Откинувшись на спинку кресла, я как раз задумчиво разглядываю просторный диванчик в углу нашего отдельного кабинета, и в мыслях непроизвольно складывается «теория заговора»: хорошенькие и чрезмерно приветливые официантки, в комнатке посадочные места у стола диван и кресла, но зачем-то дополнительная горизонтальная поверхность предоставлена... Нет ли тут связи? И вдруг дверь открывается, но вместо хорошенькой официантки в проёме стоит Эдмунд – слуга Санаду.

Весь в чёрном, чопорный, словно классический английский дворецкий, с папкой под мышкой, Эдмунд ну никак не вписывается в местный интерьер.

– Так, стоп! – сразу вскидывает руку Санаду. – Это мы не заказывали!

Всё же до английского дворецкого Эдмунду далеко: у него от этого заявления дёргается щека. И глаз. И вообще у него такой вид, словно он хочет как минимум огреть Санаду папкой по макушке.

Но Эдмунд быстро справляется с эмоциями и холодно сообщает:

– Я по делу.

– Да я уже понял, – тяжело вздыхает Санаду.

– Вы присоединяйтесь, – указываю на последнее свободное кресло по левую сторону от меня – у красивого витражного окна, вся прелесть которого не может сейчас раскрыться из-за сумрака за ним. – Место ещё есть.

Санаду бросает на меня укоризненный взгляд.

– Я на службе не пью, – вздёргивает подбородок Эдмунд. – Господин, я крайне рад, что вы решили к нам заглянуть...

Дарион фыркает, Санаду со вздохом потирает лоб.

– Не могли бы вы уделить немного времени... – продолжает напыщенно Эдмунд. – Совсем немного вашего драгоценного времени. Уделить делам.

Про немного драгоценного времени явно произнесено с издёвкой (и это понятно, учитывая их долгожительство), а про дела – с укором.

– Санаду, – касаюсь его опустившейся на подлокотник руки. Санаду тут же поворачивается, ловит мой взгляд, но я сосредотачиваюсь на кончике его носа, чтобы не потеряться в тёмных глазах. – Может, что-то случилось. Вы бы узнали, а потом отдохали без оглядки на дела.

Тяжко вздыхает Санаду.

– Послушайте юную мисс, – кисло соглашается Эдмунд. – Даже она разумнее вас.

– Всё, Клео, – притворно вздыхает Санаду и ловко меняет наши руки местами, так что теперь моя ладонь лежит на подлокотнике его кресла, а он накрывает её своими тёплыми пальцами, ещё и поглаживает. – Теперь вам не отвертеться.

– Я вроде пока ни от чего не отверчивалась. Кроме завтрашнего учебного дня, но у меня уважительная причина: привычка к семидневной неделе.

- Теперь вы останетесь со мной и будете проявлять благоразумие,
- с мягкой улыбкой продолжает Санаду, – которого у меня нет.
- Я не говорил, что у вас оно отсутствует полностью, – мрачно поправляет Эдмунд.
- И у меня его тоже вроде не особо много, – хмыкаю я.

Санаду подаётся ко мне, смотрит прямо в глаза и интимно сообщает:

- Но если мы объединим наши благоразумия, этого добра у нас на двоих будет явно больше, чем на каждого в отдельности, так что есть смысл... – он поднимает мою руку и опалает пальцы своим дыханием,
- продолжить наше сотрудничество на долгосрочной основе.

И тут мой мозг немного сдаёт. Может, причина в пронзительном взгляде чёрных очей. Или в мурашечках, побежавших от целования руки, или на меня атмосфера так действует, но как-то не очень понятно фраза звучит, как-то слишком для предложения работы секретаря, тем более, я себя ценным сотрудником пока не показала. Не будь Санаду влюблён в Мару, можно было бы подумать, что он со мной заигрывает.

Или у него какие-то ещё мотивы есть? О чём он вообще? И...

- В каком смысле «на долгосрочной основе»? – уточняю я. – Знаете ли, учитывая вашу видовую принадлежность, звучит двусмысленно.

Санаду отстраняется, в его взгляде появляется растерянность.

И вдруг на комнату обрушивается сиплый грохот – это Дарион смеётся. Хохочет почти, издавая звуки, подобные шуму камнепада. Хлопает ладонью-лопатой по столу и утирает проступившие слёзы.

- Что? – спрашиваем я и Санаду одновременно.
- Но это лишь усиливает хохот Дариона.

Мы с Санаду переглядываемся.
Снова смотрим на Дариона.

- Да-да, – кивает Санаду. – Очень смешно. Наслаждайся. – Он поворачивается к Эдмунду. – Эдди, давай сюда свои бумажки.
- Надеюсь, вы сочтёте возможным обсудить дела в более спокойной обстановке, – Эдмунд многозначительно указывает взглядом на потешающегося Дариона. – Среди своих, так сказать. При всём моём уважении к вашим отношениям с имперцами.
- Иди уж, – машет рукой Дарион. – Присмотрю за твоей рыжей.

Вздыхнув, Санаду с самым галантным видом подхватывает мою
ладонь и целует кончики пальцев:

– Вы не успеете соскучиться, как я уже вернусь.

– Иди-иди, – Дарион снова утирает слёзы. – Быстрее начнёшь –
быстрее закончишь.

На выходе Санаду ещё раз оглядывается и бросает на меня
странно проникновенный взгляд. Пропускает официантку с подносом
в наш отдельный кабинет.

В первой партии заказанного нам доставляют сорбет, вина и
сырную с хлебной нарезки.

Дарион, не дожидаясь, когда всё расставят, сразу бултыхает почти
целую бутылку в ведрообразную кружку и откидывается на спинку
жалобно хрипящего дивана.

Стреляя в него глазками и выкручивая в его сторону пышный
бюст, девушка выставляет передо
мной сорбет и наполняет
металлический кубок пузырящимся розовым напитком.

– А морс можно? – благоразумно интересуюсь я.

– Что пожелаете, – похоже, девушка только рада ещё разок к нам
заглянуть, улыбается Дариону. – Мясо будет скоро.

Он, не глядя на неё, кивает и опрокидывает в себя кружку.

– Лихо, – признаю я, утаскивая себе кусочек сыра с орехами и
обмакивая его в чашечку мёда. – Кстати, а вы знаете ещё какие-нибудь
весёлые истории о Санаду?

Официантка, бросив на Дариона заинтересованный взгляд,
выходит. Я жду ответа. С сожалением заглянув на пустое дно, Дарион
смотрит на меня поверх кружки:

– Интересно?

– Конечно, – я закусываю подслащённый сыр и на секунду
замираю, проникаясь вкусом.

Пусть это заведение и выглядит помесью средневековой
забегаловки с филиалом не очень активно маскирующегося борделя,
но сыр и мёд тут отменные.

Вздыхнув, Дарион заливает в кружку ещё одну бутылку и
откупоривает драконье огненное.

– Вам вроде нельзя, – напоминаю я. – Оно же убойное.

Дарион только отмахивается. Прищуривается и сжеживает в свою кружку где-то столовую ложку полыхающей жидкости. В кружке тут же начинается кипение и брожение, во все стороны летят полыхающие синим пламенем брызги.

– Я бы не стала это пить, – замечаю я.

Хмыкнув, Дарион опрокидывает в себя эту гремучую смесь и, весь скорчившись и передёрнувшись, откидывается на спинку дивана. С закрытыми глазами. Лишь то, как он крепко обнимает пустую кружку, выдаёт, что Дарион в сознании.

Или почти в сознании – минуты через две такого его лежания я уже сомневаться начинаю.

Да и на официантку с морсом Дарион не реагирует. Я же слежу, чтобы он дышал: не хочется вдруг оказаться наедине с трупом.

Но вот кончается мой сорбет.

Нам вносят блюда с мясом и фрукты со взбитыми сливками, и у Дариона от наполнивших комнату запахов раздуваются ноздри, дёргается верхняя губа.

Санаду всё нет.

Подумав и забив на нежелательное для еды ночное время, я обмакиваю какую-то местную оранжевую ягодку в белоснежную, похожую на облака сливочную пену. С удовольствием слизываю белую шапочку и запускаю шарик в рот.

Как вдруг замечаю, что у Дариона приоткрыт глаз.

– Санаду понравился? – басит Дарион.

Чудом не подавившись, я склоняю голову, пережёвывая кисловатый с горчинкой фрукт. К взбитым сливкам он, на мой взгляд, не очень подходит.

Дарион же смотрит на меня, явно ожидая ответа.

– У Санаду чувство юмора просто огонь, – выдавливаю я. – И ванна выше всяких похвал.

Ну правда, не рассказывать же этому громиле о мурашечках и прочем.

– Чувство юмора – это да, – хмыкает Дарион неопределённо и тянется за моим морсом.

Чтобы набултыхать его в кружку и добавить ещё порцию огненного. И опять он смотрит на меня поверх кружки:

- Значит, только юмор и ванна в Санаду привлекают?
- А вам зачем такая информация? – задираю бровь я.
- Да вот, – Дарион как-то странно смотрит на эту мою бровь. – Пробую себя в новой роли.
- Сводника? – уточняю я.
- Да, – он уныло заглядывает в свою кружку. – Что-то меня сегодня тянет... устраивать чужие отношения.
- А вы в курсе, что Санаду любит Мару? – любопытствую я холодно, и спину невольно сковывает напряжение.
- Ну, – Дарион вытягивает губы трубочкой. – Это как раз отличный повод свести его с тобой.
- Ну ничего себе, – я поднимаю драконье огненное и ставлю на кресло слева. – Кажется, вам надо меньше пить.

Ответить Дариону не даёт распахнувшаяся дверь. И нет, это не набег кокетливой официантки с продовольствием – это мой второй работодатель.

Или первый? Что-то даже затрудняюсь точно идентифицировать, Санаду-то мне не платит, только расходниками одежными снабжает.

– Доброй ночи, – мрачно приветствует нас Танарэс и, пройдя внутрь, бессовестно устраивается на кресло во главе стола.

На место Санаду.

Глава 7

Танарэс ещё и елозит, устраиваясь удобнее. Его бледное лицо крайне сосредоточено, взгляд сумрачный.

– Здесь занято, – сообщаю я.

Но Танарэс оглядывает стол, замечает драконье огненное на втором кресле и указывает на него.

– Пожалуйста, будьте так любезны, подайте мне ту бутылку. Вроде бы с нанимателями спорить не принято.

– Но место это не ваше, – повторяю я, всё же передавая ему бутылку.

Может, выпьет и уйдёт?

– Мне показалось, – продолжаю я, пока Танарэс наливает пылающую жидкость в кубок, предназначенный Санаду, – что вы достаточно состоятельны для того, чтобы не злоупотреблять чужим гостеприимством в ресторанах.

Танарэс подносит кубок к губам, позволяет пламени облизать их – и осушает его залпом.

Смотрю на его окаменевшее лицо и застывший взгляд. Затем на мрачного Дариона. Я не очень разбираюсь в местных реалиях и взаимных отношениях аборигенов, но кроме пошлой мысли о том, что эти двое поссорились, у меня только одно предположение:

– У вас кто-то умер?

Оба поворачиваются ко мне.

– Нет, – вздыхает Дарион.

– Пока нет, – почти одновременно с ним произносит Танарэс.

Они переглядываются друг с другом. Танарэс наливает себе ещё огненного.

– Простите, – продолжаю я, – но вы выглядите, как два рассорившихся любовника.

Хрипло закашлявшись, Танарэс склоняется над столом. По изогнувшимся губам пляшут огненные сполохи. Дарион припечатывает Танарэса ладонью меж лопаток, но тот от удара, способного, наверное, сломать стол, едва дёргается. Прижимает

ладонь к груди и кашляет дальше. А Дарион награждает меня укоризненным взглядом:

– Что за неуместные мысли? Даже Санаду так бы не пошутил.

– Ну, он деликатный и неиспорченный, – я пожимаю плечами и подаю Танарэсу мой кубок с морсом.

Танарэс жадно приникает к напитку. Дарион косится на него, затем прямо смотрит на меня:

– Не будь он архивампиром, я бы подумал, что вы таким способом собираетесь от него избавиться.

– А нечего чужие места занимать, – я утаскиваю из горки фруктов лиловую ягоду. – И так многозначительно переглядываться. Больше двух – переглядываются все вместе... И вообще, скажите мне спасибо: теперь вы выглядите не так похоронно.

Я улыбаюсь в ответ на их удивлённые взгляды. Дарион чуть приподнимает брови. Танарэс отставляет кубок.

– Дарион, я хотел с тобой поговорить, – он снова наполняет свой кубок огненным напитком. – Ты ведь видел её сегодня?

Уголки губ Дариона опускаются вниз:

– Не надо вмешиваться.

– Уверен? – строго уточняет Танарэс. – Возможно, наша поддержка будет не лишней. И кантоны недоступны для драконов.

– Танарэс, – Дарион потирает лоб, – как это ни прискорбно, но это не наше дело.

Как же уныло на этих посиделках без Санаду! Подпираю щеку кулаком и интересуюсь:

– Я вам не мешаю? Понимаю, вы все такие взрослые, крутые, у вас свои дела. Но правда очень неприятно чувствовать себя пустым местом.

Дарион хмыкает:

– Терра.

Танарэс застывает. Мы смотрим друг другу в глаза. Я понимаю, что он местный, богат, старше меня и вообще я на него работаю, но если позволять относиться к себе с пренебрежением, дальше будет только хуже.

И плюс я подозреваю, что некоторая доля джентльменства в поведении здесь принята: так мне кажется по Санаду, его словам, дуэлям, прочим мелким деталям.

На миг Танарэс прикрывает глаза, а затем чуть склоняет голову:

– Простите мне мою невежливость, – он накрывает мою ладонь и тянет к себе. – Меня могут извинить только переживания за дорогое мне существо, но я, конечно, не должен был забываться.

И он прижимает мои пальцы к своим холодным губам.

Ну точно джентльменство принято. Хотя я бы предпочла обойтись без этих прохладных касаний с его стороны.

– И вы простите мне мою грубость, – я тоже умею извиняться, если что.

– О, я уже забыл, – Танарэс улыбается, но взгляд его остаётся колючим.

Здесь определённо очень не хватает Санаду, хотя... Танарэс здесь только ради беседы с Дарионом или из-за Санаду тоже? Вдруг не удовлетворён моими отчётами?

Танарэс, мельком глянув на мой почти полный морса кубок, берёт свой полыхающий и откидывается на спинку кресла – весь такой хищный, пусть и подчёркнуто небрежный. Словно пытается подражать беззаботности Санаду, но, в отличие от него, не может действительно расслабиться за столом.

– Ещё раз простите мою вопиющую невнимательность, – Танарэс приподнимает кубок, и отблески пламени придают его мертвенно-бледному лицу живой оттенок. – Мне не пристало так грубо вести себя со столь привлекательной леди. Тем более, вы только знакомитесь с нашим миром, и я один из тех, кому выпала честь вас с ним знакомить.

Закатив глаза, Дарион со скрипом дивана поднимается:

– Простите, вынужден ненадолго вас оставить. Танарэс, на тебя ещё огненного заказать?

Глянув на кубок, Танарэс быстро, почти молниеносно осушает его и, опустив на стол, поднимает бутылку за горло.

– Да, пожалуй, стоит принести ещё. Ящик. Раз уж мы сидим с Санаду. Впрочем, ты его лучше знаешь, ящик нужен или два.

Меня колет его пренебрежительный тон, так неприятно-неприятно, хотя меня это не касается.

– Это не Санаду решил устроить попойку, он просто пришёл за компанию, – вступаюсь я и закидываю ягоду в рот, пока не понесло: лучшая защита репутации Санаду – его собственные действия, и у

меня нет причин бросаться ради его обеления на амбразуры. Даже если мне показалось, что он сегодня не горел желанием напиться.

– Ящика хватит, – выдаёт Дарион и, взлохматив и без того лохматые волосы, направляется к выходу.

А Танарэс наливает себе ещё и, откинувшись на спинку кресла, пристально смотрит на меня:

– Как ваши дела? Как вам учёба в Академии?

В дверном проёме Дарион оглядывается, ловит мой взгляд, словно

в последний момент спрашивает, согласна ли я оставаться с Танарэсом наедине.

Не хочу, но ободряюще Дариону улыбаюсь и обращаюсь к Танарэсу с ответом:

– Благодарю, мои дела идут вполне неплохо. Учёба в Академии не кажется слишком сложной, но с непривычки утомляет длинная неделя. Если он хочет со мной поговорить о работе, лучше сделать это здесь и сейчас, потому что его попытки встретиться со мной в

Академии могут породить ненужные вопросы.

Танарэс изображает вежливую улыбку:

– Когда вы в должной мере напитаетесь магией, и она начнёт правильно циркулировать в вашем теле, ваша выносливость возрастет, и девять рабочих дней покажутся вполне посильной задачей.

Дверь за Дарионом закрывается.

И я вздыхаю, ловлю себя на том, что прижимаю кубок к груди.

– Вы хотели что-то обсудить? – спрашиваю тихо.

– Твои отчёты, – так же тихо отзывается Танарэс и подаётся вперёд. – Ты решила залезть в постель Санаду?

Обычно я легко и непринуждённо нахожу ответы на самые странные вопросы, но этот настолько удивляет, что я просто смотрю на Танарэса и пытаюсь понять:

– С чего вы это взяли? – я отставляю кубок на стол.

– Санаду завидный жених. – Вдруг в пальцах Танарэса оказывается моя рыжая кудряшка. – А ты его типаж, почему бы не воспользоваться?

– Вы с ума сошли? – схватив прядь, дёргаю её, но из пальцев Танарэса она не выдвигается ни на миллиметр.

И это напоминает о его титанической силе.

– Отпустите, – требую ровно, но твёрдо, без малейших истерических ноток.

Танарэс смотрит на меня пронизывающим взглядом. Его налитое паром дыхание щекочет мой нос и губы. Он выпускает прядь, но прежде, чем она опускается на мою

похолодевшую скулу, зарывается пальцами в мои волосы.

В этот раз я не пытаюсь вырваться – это бесполезно и, возможно, ему даже понравится. И голос мой всё так же твёрд:

– В наш контракт не вписано ваше право хватать меня, когда заблагорассудится.

Уголок губ Танарэса дёргается:

– Но в нём не указано и обратное.

– А как же деловые отношения?

Опять неуловимо резкое движение, и его пальцы уже не в моих волосах, а крепко держат тыльную сторону шеи.

Стоит воткнуть ему вилку в глаз или нет?

Нет: пока ситуация не настолько критическая.
Танарэс склоняется к моему уху:

– Тебе для полноты образа и привлекательности не хватает фонтанирующей чувственности и чуть большей решительности.

А так как он шепчет в моё ухо, его ухо оказывается очень близко к моим зубам. Интересно, если я его сейчас укушу, в вампира превращусь или нет?

– И если вдруг ты решила проявить честность и отказаться от нашего контракта, – рокошет Танарэс, – то это очень плохая идея. Даже если Санаду покрывает Мару, тебе лучше её сдать. Пока Санаду не помог Неспящим хотя бы в её лице, ему ничего не угрожает.

Вообще в вампира я превратиться не стремлюсь, хотя у них привлекательные условия жизни, но это держание за шею – у меня внутри бурлит от нарастающей злости: что, нельзя нормально сказать, без таких запугиваний?

– Хотела вам сказать, – едва слышно шепчу я, и Танарэс чуть поворачивается, чтобы его ухо оказалось ближе к моим губам. – Я...

Терпеть не могу, когда меня так хватают, поэтому вместо продолжения чуть подаюсь вперёд и впиваюсь зубами в мочку уха Танарэса.

Стискиваю со всей силы.

Но не появляется солоноватого привкуса крови. Танарэс не вопит от боли, хотя его скула под моей щекой напрягается, и всё тело каменеет. Особенно когда я перетираю

мочку между зубами.

Кажется, кусать его бесполезно. Санаду что, пошутил?
Разжав зубы, я поясняю:

– Не люблю, когда меня хватают.

Большой палец Танарэса соскальзывает мне под подбородок,
хватка остальных пальцев смягчается.

– Любишь кусаться? – Танарэс медленно поворачивается ко мне и
нацеливается на мои губы. – Что ж, это идёт тебе в плюс.

И вот тут я... я просто кричу. Отчаянно и громко, попутно
нащупывая вилку, но вместо неё хватая бутылку. Танарэс
прикрывается от её удара рукой. У меня почти нет размаха, бутылка
просто соскальзывает, и Танарэс зажимает мой рот ладонью.

– Тихо! Я хочу обсудить твой последний отчёт о Маре!

Несколько мгновений я ещё пытаюсь кричать, но его слова
пробиваются сквозь панику.

А, значит, он заподозрил, что я недоговариваю, и решил это так
обсудить?

Обдумать догадку не успеваю: Танарэса от меня отшвыривает. Он
пробивает перегородку и в коридоре врежется в стену, обрушивается
на пол. Едва он приподнимается – со стены срывается обширная
композиция из сцепленных двуручных мечей и почти прибивает его к
полу. Танарэс рычит, на его пальцах растут когти.

В коридор вбегает Дарион с двумя бутылками.

А под уцелевшей половиной дверного проёма стоит Санаду. И
хотя мертвенная бледность для него естественна, сейчас белёсое
застывшее лицо с тёмными провалами глаз действительно пугает. До
дрожи в коленках, до колючих ледяных мурашек.

Надеюсь, про отчёт он не слышал.

Бутылки выскальзывают из рук Дариона и разлетаются вдребезги,
с одной стороны окутывая пол пламенем, а с другой заляпывая
красным. Он разворачивается.

– Все вон! – медведем ревёт Дарион.

Теперь замечаю за столиками оторопевших, с проступившей на
лицах шерстью посетителей, вжавшихся в стену официанток, у одной
из которых из волос торчат волчьи уши.

Никто и не думает шевелиться, хотя от вопля Дариона лично у
меня желание выпрыгнуть в окно – и плевать, что этаж второй.

Нервно трепещет пламя факелов и свечей.

Отшвырнув монолит из мечей, Танарэс поднимает на Санаду бешеный взгляд. У Санаду подёргивается губа, то и дело обнажая клык.

– Вон! – рявкает Санаду.

Не слишком громко в сравнении с Дарионом. И глядя только на Танарэса. Но посетители срываются с мест. Вдребезги разлетаются витражи: некоторые пользуются окнами для скорейшего выхода. С улицы доносится тревожный вой, заглушает последние отголоски топота многочисленных ног.

Сквозняк проносится по этажу.

У меня всё внутри сжимается, руки подрагивают. И на помещение будто надвигается тьма, хотя огоньки свечей и факелы горят, даже вытягиваются выше. Краем глаза замечаю светлое пятно – это лицо Эдмунда. Вжимаясь в стену, он дрожит всем телом, по вискам стекают капельки пота.

– Танарэс, – Санаду говорит через силу, будто через титаническое напряжение. – Ты что творишь?

Танарэс дёргается, словно хочет, но не может подняться.

И тут до меня доходит: Санаду может держать его телекинезом. Он сам напряжён невероятно, желваки ходят на лице. И если Танарэс равен ему по физической силе, страшно представить, сколько усилий вынужден прикладывать Санаду.

– А ты что творишь? – шипит Танарэс, прорезая когтями тёмный камень пола. – Как смеешь развлекаться, пока Мара на свободе!

Каменные плиты под ногами Санаду вдруг трескаются, разлетаются осколками. И он тут же оказывается передо мной, закрывая от каменных брызг собой. Осколки прорезают рукав его сюртука, но отскакивают от кожи.

И опять я прячусь за спиной Санаду.

Воздух сгущается, тяжелеет. Громко трещат факелы и свечи.

– Танарэс, Санаду, – Дарион говорит тем особым тоном для общения с психически нездоровыми. – Остановитесь, подумайте о последствиях.

От напряжения, кажется, воздух сейчас заискрит.

– Танарэс, мне теперь что, лечь и умереть? – раздражённо

спрашивает Санаду.

– Ты не понимаешь! – срывается на крик Танарэс.

– У меня всю семью убили!

Непроизвольно опускаю взгляд и замираю, глядя на стиснутый кулак Санаду.

– Помните о последствиях, – повторяет Дарион, осторожно смещаясь в сторону.

Танарэс почти выплёвывает:

– Это было давно!

– И твоя потеря когда-нибудь станет давней!

– Я никогда не забуду!

– О, этот юношеский максимализм! – цедит Санаду с оттенком свойственной ему насмешливости.

– Заткнись!

– И при чём тут Клео, страдалец? – в голосе Санаду появляются рокошующие ноты, а руки больше не сжаты в кулаки: на пальцах сверкают острые когти. – Какой Бездны ты её хватаешь, если у тебя все мысли о том, как Маре голову открутить?

И тут мне снова хочется прыгнуть в окно: сейчас объяснение, что следить за Санаду ради поимки преступницы – это нормально, логично и общественно полезно, не кажется мне ни логичным, ни достаточным. Не когда вокруг осколки камней летают и вампир с претензиями буянит.

Что-то громко хрустит. Я осторожно, одним глазком, выглядываю из-за плеча Санаду: каменный пол вокруг Танарэса трескается и проминается, словно под давлением невидимого пресса, но Танарэс медленно поднимается. Безумный взгляд направлен на Санаду, улыбка искажает половину лица в жутком полуоскале.

Выпрямившись, Танарэс с видимым трудом задирает подбородок. В чёрных прядях его волос вспыхивают оранжевые искорки, словно в разворошённом костре. От его яростного взгляда на лицо Санаду меня окатывает холодом.

Сейчас Танарэс скажет. Просто из злости, из желания досадить скажет, что я передавала письма Мары.

Второй уголок губ Танарэса тоже растягивается, делая чудовищную улыбку полной.

– А она мне нравится! – дерзко заявляет Танарэс. – Хочу забрать её себе.

Глава 8

Что? От возмущения страх отступает, и я выкрикиваю:

– Протестую!

Санаду вскидывает передо мной когтистую руку, то ли закрывая, то ли не позволяя вылезти из-за его спины ещё больше. Но я и так не собираюсь!

– Ничего, скоро ты изменишь своё мнение, – усмехается Танарэс.

– Тебе лучше остановиться, – советует Санаду сквозь зубы. – Не забывай, где ты находишься.

Но Танарэс на него не смотрит, он смотрит на меня и улыбается чуть мягче:

– Моё предложение вполне законно. Зачем тебе торчать в этой жалкой драконьей Академии, если можно жить у меня? Возможно, выйти за меня замуж. Я назначу тебе очень хорошее содержание.

В его безумном взгляде промелькивает хитринка, которая... заставляет усомниться в том, что он настолько не в себе. Едва уловимое ощущение, что это всё может быть наиграно.

– Спасибо за щедрое предложение, – благодарю язвительно, – но я предпочитаю девушек. Они как-то... Привлекательнее, – нагло вру я. – И одеваются симпатичнее. И вообще я интересуюсь исключительно блондина-ками. Вот!

Ну а что ещё сказать? Отношений я ни с кем завести не успела, чтобы ими прикрываться, а тут вроде железная отмазка.

Или нет?

Дарион на меня оглядывается с удивлением, Эдмунд от стены таращит глаза. Даже Санаду чуть поворачивает голову, но тут же сосредотачивает внимание на Танарэсе.

– Она отказалась, – строго произносит Санаду. – Проваливай.

– А я хочу поухаживать, показать себя с лучшей стороны.

– Ты, кажется, не понял, – Санаду задвигает меня себе за спину. – Я требую, чтобы ты ушёл.

– Прямо требуешь?

– Да, требую.

– Уверен, что это хорошая идея?

– Получше, чем вызывать тебя на дуэль.

Эдмунд издаёт невнятный писк, а Дарион закрывает лицо
волосатой ладонью с когтями:

– Думайте о последствиях, пожалуйста. Санаду, ты же взрослый!

– И мне этот факт начинает надоедать, – сердито отзывается
Санаду. – Очень трудно сохранять благоразумие перед лицом такой
вопиющей наглости!

– Я просто хочу поухаживать за девушкой, – упирается Танарэс. –
Это не запрещено.

– Я против. Категорически! – повторяю я и потираю шею, но
места его прикосновений не болят, словно Танарэс чётко
контролировал прилагаемую силу.

– И я, – цедит Санаду, – тоже против этого.

– На каком основании? Только не говори, что на правах
наставника, – Танарэс наигранно фыркает. – В обязанности
наставников такое не входит.

Чего он добивается?

– На правах её... кавалера, – Санаду едва уловимо дёргается. –
Клео встречается со мной.

На мгновение повисает тишина. Спасибо, конечно, Санаду за
готовность назваться моим парнем ради моей защиты, но у меня
возникает неприятное подозрение.

– Она предпочитает девушек, – лукаво напоминает Танарэс. – И
блондинок. Извини, но ты на девушку не похож.

– Я был так неотразим, что для меня она сделала исключение. Да,
Клео? – последнее Санаду говорит так строго, что это звучит «и только
попробуй не согласиться – закопаю!»

– Да, – поспешно соглашаюсь я. Добавила бы, что у Санаду и
волосы длинные, как у девушки, но у Танарэса они длиннее.

А моё неприятное подозрение только усиливается: что, если
Танарэс специально провоцирует Санаду вступить за меня и назвать
своей девушкой (похоже, это единственный способ избежать чужого

внимания), чтобы спровоцировать Мару разобраться с соперницей?
Мол, если рыбка не клюёт на Санаду, может, среагирует на меня?

Я даже снова выглядываю из-за плеча Санаду, чтобы оценить обстановку: Танарэс выглядит раздосадовано, словно его и впрямь

огорчает невозможность за мной поухаживать. Я ошиблась в своих предположениях? Или он хороший актёр?

– Танарэс, – по голосу чувствуется, что Санаду с трудом сдерживается. – Ты понимаешь, что будет, если я ещё раз потребую уйти, а ты останешься?

– А ты понимаешь, что будет, если ты продолжишь требовать, а я не уйду? – Танарэс склоняет голову набок.

– Обоим влетит! – вставляет Дарион.
И вампиры поворачиваются к нему.

– А что? – вскидывает Дарион покрытые шерстью руки. – Не надо делать такие лица, я правильно говорю. От остальных архивампиров влетит вам обоим. Танарэс, готов поспорить, тебе устроят выволочку за то, что ты приличный архивампир, а ведёшь себя неподобающе. И по юному возрасту пройдутся, как пить дать. Ну, а Санаду...

– Это просто Санаду, – перебивает Танарэс с непонятно горделивым видом. – Этого достаточно.

– Вампирский снобизм, – выдаёт Санаду более расслабленно.
Да и Танарэс выглядит уже не таким агрессивным:

– От вампира слышу.

– Ну, я-то счастливое исключение из правил, – теперь Санаду вздёргивает подбородок. – А ты классический пример.

– И горжусь этим, – Танарэс демонстративно стряхивает пыль со слегка помятого лацкана и поправляет чёрный шёлковый галстук.

Физически чувствуется, как спадает напряжение, хотя все пристальные по-прежнему пристально следят за спорщиками.

– Я так понимаю, – хмыкает Танарэс, – посидеть с вами за компанию ты не предложишь?

– Определённо нет, – строго отзывается Санаду.

Танарэс переводит взгляд на меня и чуть склоняет голову:

– Клео, приятной вам ночи. И до новых встреч.

Санаду цокает. С ним Танарэс не прощается: его окутывает зеленоватая дымка. В следующий миг он исчезает. Дымка на его месте переливается цветными клубами пара, но и она рассеивается бесследно.

И тут же осанка Санаду меняется. Вместо готовности к бою в фигуре теперь чувствуется раздражение.

– Эдмунд, – даже в обращении к слуге в голосе Санаду сквозит непривычная серьёзность, и Эдмунд отлипает от стены. – С ремонтом помочь, счёт отправить Танарэсу.

– А если он откажется платить? – неуверенно уточняет Эдмунд и оглядывается по сторонам, словно прикидывает, сколько им придётся отвалить за ремонт, если Танарэс попытается соскочить.

– Скажешь мне, я сам разберусь.

Эдмунд кивает. А Санаду склоняет голову и трёт лицо ладонью:

– У молодости свои недостатки. При всех достоинствах. – Он поворачивается к немного шерстяному Дариону. Задумчиво смотрит на него. И усмехается. – Вижу, ты отвлёкся от переживаний. Иди сюда. Только, чур, координаты не считывать, я покажу суперсекретное место, святая святых.

На последних словах Санаду чуть доворачивается и обхватывает меня за талию. Заглядывает в лицо сверху вниз, проникновенно так. Пристально.

– Спасибо, что спасли, – тихо произношу я.

– Прости, что впутал в наши разборки, – у Санаду нервно дёргается уголок губ.

Что, он тоже считает поведение Танарэса провокацией для выманивания Мары? Но спросить не успеваю – на фоне ворчливо басит Дарион:

– А ты уверен, что в этот раз обойдётся без приключений?

– А тебе что, плохо было? – задирает бровь Санаду.

– Ну... – пока Дарион тянет, Санаду крепко прижимает меня к себе и одним смазанным движением перемещается к своему думающему приятелю. – Э-э...

Дарион успевает издать лишь невнятный звук – нас окутывает серая дымка. При перемещении нас основательно встряхивает. Дарион

обхватывает меня и Санаду лапией, и, кувыркнувшись через голову,
мы на ноги приземляемся во
тьму.

В следующий миг под высоким потолком вспыхивают магические
сферы, озаряют тёмные каменные стены, стройные череды
многолитровых винных бочек и полки с переливающимися всеми
цветами радуги бутылками.

– Ого! – выдыхает отступающий Дарион и с подозрением смотрит
на Санаду. – Это твой погреб?

– Ну-у... – тянет Санаду, но возмутиться ни Дарион, ни я не
успеваем. – Я бы с радостью побывал в погребе Келтара, но после
моего последнего визита он усилил защиту. Так что... Да шучу я,
шучу, – отмахивается Санаду. – Это мой погреб. Просто мой погреб.
Подождите минутку. Ну, или две. И не переживайте, здесь вы в полной
безопасности, никто нам не мешает.

Разжав мою талию, Санаду отступает и окутывается сероватой
дымкой. В миг перемещения, кажется, я успеваю увидеть, как он
растворяется в воздухе и утягивается
куда-то вверх.

Тут же оглядываюсь по сторонам в поисках двери. Часть погреба
теряется где-то во тьме. Помещение просто огромно.

– А про девушек, – осторожно начинает Дарион, – это правда?

– Нет, просто не знала, чем ещё отговориться.

Двери не видно, и от этого немного не по себе. Надо выходить из
нашего тупика, заглянуть за бочки и стойки с бутылками. Направляясь
к ряду бочек выше моего роста, спрашиваю:

– А ты что за горе запиваешь? Прости за любопытство, но просто
хочется знать хотя бы
приблизительную причину посиделок.

Дарион тяжело вздыхает.

За бочками дверей нет, и я разворачиваюсь к рядам бутылок. Это
не стеллаж, пространство за ними
закрыто деревянной стенкой, так что
заглянуть за них можно, только обойдя. Кошусь на Дариона: он стоит
на прежнем месте, засунув мощные руки в карманы брюк. Шерсти на
нём почти не осталось, а выражение лица делает образ... трагичным, а
не пугающим, как должно быть для девушки, запертой в неизвестном
подвале с таким громилой. Он ведь меня одной рукой пришибить
может.

Дарион взлохмачивает тёмные кудри и отводит взгляд в сторону:

– Несчастливая любовь. Невеста ушла к другому.

– Всё пройдёт, – ободряюще замечаю я. – Для этого даже пить необязательно.

– Вторая уже, – тяжело вздыхает Дарион.

– У нас говорят, Бог любит троицу. Уверена: в третий раз тебе точно повезёт. Ты, главное, с девушками знакомься в приличных местах, а не в борделях и сомнительных питейных заведениях, так шанс будет выше.

– Ну, спасибо за дельный совет, – с издёвкой отзывается Дарион. – А то я не знал.

– Иногда нужно озвучить очевидное, чтобы это осознать, – ничуть не
обижаюсь на его тон я и заглядываю
за длинный шкаф с бутылками.

Дверь есть. Метра два высотой, обитая железом, но есть, и сразу дышать легче.

Позади что-то громко щёлкает по полу, я оглядываюсь и улыбаюсь: в нашем тупичке стоит треногий столик и кресло на выгнутых лапках. Через миг серая дымка вспыхивает большим облаком, чтобы через миг явить миру Санаду с диванчиком (судя по габаритам – для Дариона) и ещё одним элегантным креслом. Задорно подмигнув мне, Санаду телепортируется прочь, но секунд через тридцать возвращается с двумя огромными корзинами, плюхает их на столик. Принесённая словно откуда-то из дворца мебель, как ни странно, неуместно в подземелье не выглядит, наоборот, в её сочетании с массивной каменной кладкой, тёмными бочками и стойками с бутылками чувствуется как-то особый стиль. Шик я бы сказала.

Из корзины Санаду достаёт золотые кубки и взмахивает рукой.

Нежно-голубая бутылка слетает с полки рядом и прыгает мне в руки.

– Оно очень лёгкое, – обещает Санаду. – Рассчитано на людей.

Я оглядываю нежно-розовую этикетку с золотыми узорами. Здравый смысл шепчет: «Не пей, Клёпочка, дурочкой станешь», но со здравым смыслом я не в самых лучших отношениях, так что поднимаю бутылку и возвещаю:

– Помянем разбитое сердце Дариона!

Санаду удивлённо вскидывает бровь и косится на него, но тут же хмыкает:

– Да, пусть это сердце скорее отвалится, а на его месте вырастет новое
большое и сильное.

– Я вам не вампир, – ворчит внезапно смущённый Дарион, – чтобы сердца так просто заменять.

– И слава Нергалу, что не вампир! – Санаду вытаскивает миски с едой. – Они все жуткие зануды! И новых вампиров делают из жутких зануд, это у них обязательное условие обращения.

– По вам не скажешь, – с бутылкой в обнимку я направляюсь к столу.

А Санаду внезапно достаёт из корзины не еду, а музыкальную колонку и плеер:

– Ну, моё обращение было немного не совсем официальным, и собеседование я у этих зануд не проходил. Так что я единственный весёлый вампир в кантонах.

– Да? – я плюхаюсь в кресло.

И краем глаза замечаю очень заинтересованный взгляд Дариона на Санаду. Но тот уже отложил технику и достаёт хлеб, свёртки с сырами. Заметив моё внимание, Дарион делает лицо попроще и тоже подходит к столу, вытаскивает из второй корзины окорок, сразу наполняющий пространство ароматом копчёностей. А я слежу за Санаду. Не дождавшись продолжения, спрашиваю:

– А подробнее о своём обращении расскажете?

– Хм, – Санаду убирает опустошённую корзину. И хотя он вроде бы беззаботно смотрит перед собой, очевидно, что он старается не встречаться со мной взглядом. – Скажем так: если выпью достаточно, я расскажу.

– Вы понимаете, что такими отговорками только раззадориваете моё любопытство?

На этот раз Санаду заглядывает мне в глаза, и я снова начинаю медленно утопать в их мерцающей тьме.

– Это мой коварный план, – интимно сообщает Санаду с самым заговорщическим видом. – Ведь девушкам загадочные мужчины кажутся привлекательнее.

– Да ты и так загадочнее некуда, – Дарион с сомнением оглядывает содержимое высокой миски, – даже я не знаю, как и когда точно тебя обратили. А выпили мы с тобой немало!

– О, только не подумай, что это для того, чтобы казаться тебе загадочнее, – улыбается Санаду, совершенно очевидно меняя тему.

Дарион взглядывает на него исподлобья, но продолжает разбирать

корзину – похоже, признаёт его право на молчание. Жаль, что он такой деликатный: теперь и мне интересно, а вдвоём было бы проще и споить Санаду, и выпросить.

Санаду же утыкается в плеер. Всего несколько кликов, и колонка испускает приятную фортепианную мелодию. В неторопливых переливах я с удивлением узнаю «Queen».

– Это, между прочим, противозаконно, – Дарион хлопает на стол плетёную корзиночку с фруктами. – Когда-нибудь тебе это припомнят.

– Ну, напиши заявление главе этой территории, – Санаду разваливается в кресле и взмахивает рукой. – Обстоятельно распиши всё, вдруг поможет. Главное, аргументы помощнее предоставь.

– Что, с земной техникой всё настолько сложно? – в этом закрытом помещении, сидя практически напротив Санаду, я вдруг совершенно успокаиваюсь.

После недавней встряски наступает умиротворение, а может, просто организм так намекает, что пора бы и спать, но мне правда становится очень уютно. И даже самостоятельно выскакивающая из бутылки в моих руках пробка не нарушает это блаженное состояние.

Как и подлетевшие со спины разноцветные бутылки.

– Не только с земной, – отвечает Дарион, оглядывая выстраивающиеся перед ним напитки. – Сюда нет хода любой технике, которая может нарушить существующий баланс сил и природы.

Подавшись вперёд, Санаду собственноручно выдаёт мне тарелку с вилок и ножом, накладывает тонкие, ароматные кусочки мяса и ломтики печёных овощей.

– Благодарю, – улыбаюсь я расслабленно.

Санаду поглядывает на меня с полуулыбкой и протягивает руку за бутылкой.

Я вручаю ему увесистую тару. Наливая, Санаду не сводит с меня загадочного взгляда.

Протягивает кубок.

– Вы как змей искуситель, – усмехаюсь я, но напиток принимаю. Дарион косится на меня, потом на Санаду, и берётся за бутылку.

– Здесь уместнее говорить о драконе-искусителе, – себе Санаду наливает то же, что и мне.

– Надеюсь, напиток лёгкий, как вы и обещали, – я никак не могу

перестать улыбаться. – О, вампир-искуситель.

Смех у Санаду тёплый, от его низких ноток по спине разбегаются мурашки, внутри становится тепло.

А вот Дарион не впечатлён (что и правильно), он закатывает странные глаза со слишком большими карими радужками и вздыхает:

– Надеюсь, у вас хватит совести сейчас при мне не кокетничать.

– Помнится, – Санаду покачивает золотым кубком, – ты говорил, что у меня совести нет.

А я вместо ответа просто прижимаю прохладную металлическую кромку к губам и осторожно пробую языком напиток. Он сладкий, с кислинкой. И в нём совершенно не ощущается хмель, словно это просто сок.

Голова пульсирует. Что-то её сдавливает, гудит в висках, закладывает уши. Тело словно не моё. Веки... какие же тяжёлые! Облизнув пересохшие губы, я титаническим усилием их разлепляю.

Глаза режет светом, точнее, несколькими светлыми лучами, пробивающимися через странное нагромождение.

Проморгавшись, осознаю, что это ванна Санаду торчит боком. Но я-то не в его ванной! Я, судя по обоям и кроватям, в нашей с Никой комнате в общежитии. И почему-то на софе лежит ванна Санаду, а рядом, друг на друге, нагромождены три его рабочих кресла.

Зажмуриваюсь, но когда открываю глаза – ванна и кресла по-прежнему здесь.

Ё-моё, что вчера произошло?!

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора:

<https://litnet.com/ru/book/popadanka-rektora-arhivampira-v-akademii-drakonov-2-b345397>